

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданско-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Заведующий кафедрой
доктор юрид. наук, доцент

Л.В. Зайцева
2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ
В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ**

40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «Магистр права»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Епрынцев Никита Александрович

Научный руководитель
канд. юрид. наук

Чукреев Андрей Александрович

Рецензент
руководитель подразделения
правовой поддержки филиала
ООО Брусника в Тюмени

Балин Василий Валерьевич

Тюмень
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ КАК СУБЪЕКТОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	13
1.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ.....	13
1.2. ПОНЯТИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ КАК СУБЪЕКТОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	22
ГЛАВА 2 СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ.....	36
2.1. ПОНЯТИЕ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ.....	36
2.2. ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	50
2.3. ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	57
ГЛАВА 3 ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ.....	66
3.1. ИНЫЕ ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ.....	66

3.2. МОРАТОРИЙ НА ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	75
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	81

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АПК РФ	–	Арбитражный процессуальный Кодекс Российской Федерации
ВАС РФ	–	Высший Арбитражный Суд Российской Федерации
ГК РФ	–	Гражданский Кодекс Российской Федерации
Закон о банкротстве	–	Федеральный закон от 26 ноября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»
КДЛ	–	контролирующее должника лицо
ППВС РФ	–	Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации
ФАС России	–	Федеральная антимонопольная служба
Федресурс	–	Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности
ФНС России	–	Федеральная налоговая служба

ВВЕДЕНИЕ

Институт банкротства, как и все существующие правовые институты, прошел большой путь развития и преобразования. Его развитие, прежде всего, было связано с экономической составляющей общества, а также порядком распределения существующих общественных благ. В средневековую эпоху банкротство рассматривалось как явление злонамеренности и подлежало уголовному наказанию. В конце XIX — начале XX вв. эпоха развития производственных сил закрепило за банкротством статус распределительных и оздоровительных мероприятий, способствующих выводу из кризисной ситуации предприятие должника.

С переходом России в начале XX вв. к плановой экономике и полному отказу от частной собственности, институт несостоятельности полностью утратил свою актуальность и стал «мертвым» институтом. Лишь начиная с 1990-х годов, в период возрождения рыночной экономики в нашей стране, банкротство стало вновь неотделимым экономическо-правовым явлением, регулирование которого было возобновлено государством.

В настоящее время несостоятельность постоянно изменяется и адаптируется к преобразованиям современной экономики России. Крупные кризисы 2008, 2014 годов сформировали большое количество неисполненных обязательств предприятиями-должниками. Значительное влияние на банкротство оказало распространение новой коронавирусной инфекции COVID-2019 в 2020 году.

Анализ изложенных факторов свидетельствует о том, что процедура несостоятельности требует все большего количества механизмов, с помощью которых можно обеспечить имущественные интересы пострадавшей стороны — кредиторов. Одним из таких механизмов можно считать привлечение руководителей и иных лиц должника (контролирующих лиц) к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве.

Актуальность рассматриваемой тематики базируется на потребности в исследовании института ответственности контролирующих должника лиц, как способа удовлетворения требований кредиторов, с его правовой регламентацией и практическим применением в делах о банкротстве.

Потребность в исследовании основывается на законодательных и правоприменительных процессах. Начиная с 1990-х годов, практика привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника отсутствовала полностью, что делало все существующие нормы закона «мертвыми». Однако в период с 2012-2014 гг. суды постепенно начинают формировать практику по привлечению к ответственности контролирующих лиц по долгам организаций банкротов. Так, например, Федеральный арбитражный суд Уральского округа в своем постановлении от 11.04.2014 №Ф09-700/14 возложил ответственность на руководителя организации должника [89]. Мотивировка суда исходила из анализа причинно-следственной связи между несвоевременной подачей руководителем должника заявления о невозможности исполнить существующие обязательства и последующим увеличением пассивов, что негативным образом сказалось на требованиях кредиторов. Однако указанный пример показал, что для использования существующих механизмов требуется существенный правоприменительный ресурс, что является неэффективным использованием судебных кадров.

Об изменении законодательного подхода к проблематике свидетельствует вступление в силу 30 июля 2017 года Федерального закона от 29.07.2017 №266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [11]. Изменения коснулись положений о субсидиарной ответственности контролирующих лиц, в рамках главы III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», где были систематизированы правовые нормы, которые регулируют ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве, что является более детальным урегулированием данных правоотношений [9].

Новизна рассматриваемой темы основывается на анализе статистической информации, а также законодательных нововведениях, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции COVID-2019, а также нестабильностью отечественной экономики из-за усиления санкционного воздействия на Российскую Федерацию со стороны иностранных государств.

В современных реалиях процедура банкротства в основной массе происходит в отношении организаций, не имеющих собственных активов, с помощью которых можно удовлетворить требования кредиторов. Данный тезис подтверждается существующей статистической информацией.

Так, согласно статистике, основанной на данных Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц [15], за 2019 год суды признали банкротами 12 401 российскую организацию, что в свою очередь на 5,5% меньше, чем в 2018 году. Процедуры по реабилитации должников стали применяться значительно реже - 228 процедур внешнего управления и финансового оздоровления – 1,0% от всех процедур, по сравнению с 297 шт. (1,2%) в 2018 году. Уровень эффективности процедур банкротства также пошел на снижение. Согласно данным, полученным с сайта Федресурс <https://fedresurs.ru/>, по результатам завершённых конкурсных производств, кредиторы из 2 029,9 млрд. рублей, составляющих общий реестр требований, смогли удовлетворить свои требования на сумму 95,3 млрд. рублей или 4,7% (в 2018 году данный показатель составлял 5,2% - 102,7 млрд. рублей из 1 990,3 млрд. рублей). В делах о банкротстве за 2019 году, как и за 2018 год, по данным об инвентаризации имущество отсутствовало у 37% должников.

Приведенные выше данные свидетельствуют об уменьшении способности должников удовлетворить предъявляемые требования кредиторов. В свою очередь, такая ситуация ставит под сомнение эффективность существующей системы производства по делам о банкротстве в РФ. Главная цель банкротства – удовлетворить требования кредиторов становится недостижимой, а недобросовестные должники с помощью данного механизма смогут получить

реальную возможность ухода от ответственности и исполнения существующих обязательств.

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-2019, руководствуясь статьей 9.1. Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Правительство РФ приняло Постановление от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников», где был закреплен мораторий на возбуждении дел о банкротстве в отношении организаций из пострадавших отраслей экономики [12]. Повторное применение моратория, за последние годы, было связано с возникшим санкционным давлением на отечественную экономику. С целью поддержать сферу предпринимательства, а также создать возможность для самостоятельного преодоления финансовых трудностей, Правительством РФ было принято решение о введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов в период с 28.03.2022 по 01.10.2022 [14].

Данные мероприятия способствовали поддержке организаций в период нестабильной экономической ситуации. Однако после окончания действия моратория, количество дел о банкротстве может существенно возрасти, в связи, с чем привлечение контролирующих лиц должника к ответственности может стать эффективным инструментом в процессе удовлетворения требований кредиторов.

Таким образом, из-за наличия реального и прогнозируемого увеличения количества дел о банкротстве, возрастает необходимость анализа механизма привлечения к ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве на предмет детальной регламентации и устойчивости законодательства к возникающим нестандартным ситуациям.

На основании вышеизложенного, основная проблема научной работы заключается в ответе на вопрос: возможно ли обеспечить требования кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве) организаций с помощью

привлечения к ответственности контролирующих должника лиц в делах о банкротстве в условиях увеличения численности банкротных производств?

Кроме того, в работе рассматривается проблема номинальных руководителей как субъектов ответственности в делах о банкротстве. В ходе исследовательской работы разработаны предложения по совершенствованию действующего законодательства, с целью уменьшения количества руководителей, формально осуществляющих управленческие функции. Подобные изменения позволят создать механизм привлечения действительных бенефициаров к ответственности, а также смогут выполнить превентивную функцию, путем информирования номинальных руководителей об ответственности, которая может быть возложена на них.

Особого внимания заслуживают отдельные вопросы, которые возникают в области субсидиарной ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве, а именно:

1. Состав лиц, которые могут являться субъектами субсидиарной ответственности. По мимо лиц, прямо установленных в Законе о банкротстве, субъектом ответственности могут выступать иные лица, осуществляющие фактический контроль за деятельностью организации должника. На основе анализа правоприменительной практики были установлены основные признаки, которыми должны обладать субъекты ответственности.

2. Процедура запрета на возбуждение дел о банкротстве по определенным основаниям (мораторий на банкротство). Подобная процедура была введена впервые из-за ограничений, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции. В процессе написания диссертации проведен анализ статистической информации с целью установления влияния моратория на количество банкротных производств.

3. Влияние механизма субсидиарной ответственности на специальные права, принадлежащие контролируемому лицу, в частности на объекты интеллектуальной собственности.

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве. Предметом исследования является нормы российского права, регулирующие общественные отношения, связанные с ответственностью контролирующих должника лиц в рамках дела о банкротстве, а также практика применения указанных норм.

Основной целью работы является анализ действующего законодательства, а также материалов правоприменительной практики в области настоятельности (банкротства) на предмет поиска проблем в вопросе привлечения к ответственности контролирующих лиц должника в деле о банкротстве. С учетом выполнения данной цели в работе будут предложены пути решения возникающих противоречий. Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи исследования:

- провести в ретроспективе анализ развития положений законодательства относительно ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве, а также положений действующего законодательства;
- определить правовой статус, признаки контролирующего лица должника, основные характеристики и его роль в деле о банкротстве. Уточнить круг лиц, являющихся контролирующими должника в деле о банкротстве;
- рассмотреть существующую судебную практику по вопросу урегулирования ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве, с рассмотрением общих тенденций развития субсидиарной ответственности в делах о банкротстве;
- определить и рассмотреть отдельные вопросы в области ответственности контролирующих лиц в деле банкротстве;
- сформировать предложения по совершенствованию действующего законодательства и предложить пути решения проблем, возникающих при привлечении к ответственности контролирующих лиц должника в деле о банкротстве.

Методологическую основу исследования составляют как общенаучные методы исследования, так и частнонаучные. Среди первых особо следует выделить исторический и формально-логический методы, среди вторых – формально-юридический и историко-правовой.

При написании диссертации была использована научная литература ученых и экспертов в области права: О.В. Гутникова, С.А. Карелиной, Р.К. Лотфуллина, Р.Т. Мифтахутдинова, Ю.Э. Монастырского, В.Ф. Попондопуло и других ученых. Каждый из ученых освещает основные теоретические положения и проблемные вопросы в области ответственности контролирующих должника лиц.

Нормативно-правовую основу исследования составляют нормативные правовые акты федерального уровня. Большинство положений об ответственности контролирующих должника лиц содержится в Гражданском кодексе РФ [2], Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [8], Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [7].

Эмпирическую основу научной работы составляют результаты правоприменительной практики. Центральное место занимают правовые позиции, которые изложены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, обзорах судебной практики высших судебных инстанций. Отдельные позиции исследовались через анализ практики арбитражных судов всех нижестоящих инстанций. Также использовались данные, которые содержатся в решениях ФАС России и ФНС России по конкретным делам.

Апробация результатов научного исследования была проведена, путем написания научной статьи «Объекты интеллектуальной собственности как имущество должника в деле о банкротстве» (в соавторстве). Статья была принята к публикации в научном журнале «Уральский журнал правовых

исследований», имеющий индексацию в РИНЦ, и будет опубликована в выпуске №3 (20) за 2022 г.

Результаты диссертационного исследования могут быть применены в подготовке изменений в действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве), в подготовке рекомендаций административных органов для руководителей организаций, а также в выработке концепций и методик, направленных на повышение правовой культуры субъектов предпринимательской деятельности.

Структура работы определяется логикой исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка. Во введении обоснована актуальность исследования, определяется объект и предмет работы, ставится цель и задачи исследования, обозначается методологическая основа исследования и его теоретические источники. Первая глава содержит общие теоретические и практические положения, которые затрагивают ответственность контролирующих лиц в деле о банкротстве. Вторая глава содержит положения о субсидиарной ответственности, как основного вида ответственности, к которому могут привлечь контролирующее лицо должника. В третьей главе рассматриваются отдельные вопросы, связанные с ответственностью руководителя и иных лиц в деле о банкротстве. В заключении подводятся итоги исследования. Библиографический список содержит ссылки на источники, которые использовались в ходе написания научной работы.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ КАК СУБЪЕКТОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

1.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Рассмотрение ответственности контролирующих лиц должника в полном объеме следует начинать с изучения понятия в его ретроспективе. Как и любой другой правовой институт, институт банкротства (включая институт субсидиарной ответственности) прошел существенный путь исторического развития на каждом этапе эволюции права.

Первым этапом развития института банкротства можно считать принятие в период с XI по XV века древнерусских правовых актов как таких Русская правда, Псковская грамота 1467 г., Соборное уложение 1649 г., Судебниках XV-XVI веков [Чистяков, с. 15].

При анализе Русской правды А.Х. Гольмстен, рассмотрев статью 55, сделал предположение о том, что в данной статье устанавливается очередность удовлетворения требований кредиторов: «требования князя удовлетворялись в первую очередь, затем удовлетворялись требования иностранных купцов и только после этого - требования соотечественников» [Гольмстен, с. 3]. Также данная норма устанавливала, что в случае невозможности удовлетворения купцом требований кредиторов, следует «...вести его на торг, продать вместе с имуществом» [18]. Подобного рода положения можно оценить, как первые упоминания ответственности лица по своим обязательствам перед кредиторами в процессе банкротства.

Второй этап развития института банкротства связан с принятием таких нормативных актов, как «Банкротский Устав» 1740 г., Уставы 1763 г., 1768 г. Каждый из рассматриваемых документов имеет свои характерные черты. Так, «Банкротский Устав» 1740 года регулировал отношения определенной

социальной категории – купцов, выделял два вида несостоятельности «несчастной» и «злостной». Стоит отметить, что ранее действующие Уставы длительный период времени не имели силу закона, в связи с чем, Сенатом было принято решение «всякие недоразумения в делах о несостоятельности решать по большинству голосов кредиторов, определяемому большей суммой требований». Подобное решение имело двойной эффект: с одной стороны, порядок банкротства был упрощен, с другой стороны – разработанное правило привело к увеличению количества спорных практических вопросов в процедуре [Багреева, Рудая, с.16].

Для устранения противоречий по регулированию отношений в области несостоятельности, третий этап развития института банкротства связан с принятием «Устава о банкротах» от 19.12.1800 г. и «Устава о торговой несостоятельности» 23.06.1832 г., что являлось первой попыткой создать комплексное регулирование несостоятельности в рамках единых кодифицированных актов. В Уставе 1800 г. нашёл свое закрепление принцип о том, что «банкрота не должно разуметь бесчестным человеком, ибо честность и бесчестие не в звании банкрота состоят, но единственно в поступках, которые привели человека в банкротство» [19]. Подобный принцип выступает в качестве разделения мер уголовного преследования от меры гражданско-правового взыскания. Законодателем в тексте Устава были закреплены такие процедуры как реструктуризация задолженности, заключение мирового соглашения с кредиторами во внесудебном порядке. Более того, закреплялось положение о том, что суд имеет возможность предоставить должнику срок для восстановления платежеспособности.

Устав о торговой несостоятельности 1832 года регулировал несостоятельность исключительно купеческого и мещанского сословия и подлежал применению вместо положений Устава 1800 г. Кроме того, Устав определил следующую очерёдность погашения долгов перед кредиторами: первая очередь – церковь и работники; вторая очередь - государство; третья очередь - расчёт производился по сомнительным долгам; четвертая очередь -

погашались долги, не предъявленные в срок. С точки зрения ответственности должника в деле о банкротстве можно сказать, что на данном этапе были сформированы основные системные начала привлечения к ответственности должника за обязательства перед кредиторами, появление обеспечительных процедур, направленных на удовлетворения требований кредиторов.

Следующим этапом в развитии института несостоятельности (банкротства) является период перехода к плановой экономике и установлении советской власти по итогам Великой октябрьской социалистической революции 1917 года. Советским правительством были приняты Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. В тексте данных нормативных актов было закреплено понятие несостоятельности, но текст законов не предусматривал механизм применения данных норм, из-за чего реализация банкротных процедур отсутствовала полностью [Степанов, с. 22]. За все время существования Советского Союза законодатель больше не принимал новых положений о несостоятельности. Кроме того, нормы о банкротстве были исключены из законодательства СССР в начале 1960-х гг. [Герасимеко, с. 198]. В условиях советской действительности и экономической структуры, институт банкротства полностью перестал функционировать, и перешел в стагнацию.

Современный этап развития законодательства о банкротстве связан с переходом от плановой к рыночной экономике в начале 1990-х годов. В связи с тем, что процедуры несостоятельности не были урегулированы советским законодательством, возникла необходимость принятия соответствующих нормативных актов. На первоначальном этапе для урегулирования процедуры банкротства Президентом Российской Федерации был издан Указ от 4 июня 1992 г. № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применения к ним специальных процедур» [16]. В последующем был принят Закон Российской Федерации от 19 ноября 1992 г. №3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»,

который был первым нормативным актом, регулирующим процедуру несостоятельности юридических лиц.

Если говорить более подробно о субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника, то данный вид ответственности нашел свое первоначальное оформление, как целой системы, в Гражданском кодексе РФ от 30.11.1994 (редакция №1). Так, в пункте 3 статьи 56 ГК РФ закреплялась норма о том, что в случае, если несостоятельность юридического лица была вызвана действиями учредителей или иных лиц, кто может отдавать обязательные указания для юридического лица, на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам контролируемого юридического лица, в случае недостаточности имущества, для погашения возникших обязательств. Данная норма является общей и закрепляет в своем содержании возможность привлечения к субсидиарной ответственности, однако при этом не имеет таких характеристик как виновность лица, привлекаемого к ответственности, размер требований к руководящему лицу, процедуру привлечения к ответственности. Для надлежащего функционирования механизма субсидиарной ответственности требовалась его фиксация в нормах специального законодательства.

Кроме того, в период действия указанной нормы, самостоятельным видом юридических лиц являлись индивидуальные частные предприятия. Такие предприятия не попадали под действие статьи 56 ГК РФ, вследствие чего руководители индивидуальных частных предприятий находились вне зон влияния субсидиарной ответственности, из-за чего затруднительным было использовать данный вид ответственности [Алфёров, Коригова, с. 464].

Как первые попытки уточнить ответственность руководителей должника, можно считать принятие Федерального закона от 26.12.1995 №208-ФЗ «Об акционерных обществах». Закон содержал положения, схожие с нормой пункта 3 статьи 56 ГК РФ. Аналогичная норма была закреплена в Федеральном законе от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Регламентация субсидиарной ответственности также осуществлялась в рамках правоприменительной практики. Верховный суд РФ в своем Постановлении Пленума от 01.06.1996 г. №8 (далее Постановление №8) вынес свои собственные разъяснения, касательно ответственности для руководителей и контролирующих должника лиц. В пункте 22 Постановления №8 судом установлено, что суды при принятии решения о привлечении учредителей, собственников и иных лиц, которые имеют право давать обязательные для исполнения указания юридическому лицу, должны учитывать следующее: к субсидиарной ответственности могут быть привлечены лица лишь в тех случаях, когда несостоятельность (банкротство) юридического возникло из-за действия лиц, к которым относятся: лица, имеющее в собственности или доверительном управлении контрольный пакет акций акционерного общества, собственник имущества унитарного предприятия, давший обязательные для него указания, и т.п. Требования к указанным лицам, несущим субсидиарную ответственность, могут быть предъявлены конкурсным управляющим [73].

С точки зрения позиции судебного органа привлечение к субсидиарной ответственности возникает в случае совершения лицом определенного действия, которое направлено на нарушение прав подконтрольной организации. В таком аспекте бездействие руководителя, учредителя или собственника не могло быть основанием для привлечения к субсидиарной ответственности. Также, правоприменитель установил круг лиц, правомочных на обращение в судебные органы с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности, предоставив такое право конкурсному управляющему. Однако в момент принятия Постановления №8 действующая редакция Закона о банкротстве не содержала положений о том, что конкурсный управляющий обладает полномочиями осуществлять фиксацию нарушений со стороны контролирующих лиц в отношении банкротов - юридических лиц. Сложившиеся условия не предполагали эффективность и возможность практической реализации использования субсидиарной ответственности в процедурах несостоятельности [Горбашев, с. 171].

Продолжением развития института субсидиарной ответственности является принятие вместо действующего нормативно-правового акта Федерального закона от 8 января 1998 г. №6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В рамках данного федерального закона была зафиксирована ответственность контролирующих лиц, в отличие от ранее действовавшего закона. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 9 субсидиарная ответственность наступала за неподачу руководителем, членами ликвидационной комиссии или ликвидатором заявления о банкротстве при наличии очевидных признаков банкротства организации.

Новые положения законодательства не смогли создать предпосылок к популяризации субсидиарной ответственности в отношении руководителей, учредителей и иных контролирующих должника лиц. Законодательство по-прежнему не содержало презумпции вины контролирующих лиц, описание процесса доказывания виновности таких лиц, что в свою очередь создавало определенные сложности для кредиторов юридических лиц. Им нужно было приводить доказательства о совершении контролируемыми лицами тех или иных умышленных действий, целью которых было довести подконтрольное юридическое лицо до состояния несостоятельности. Подобное обстоятельство создавало препятствия для использования механизма субсидиарной ответственности. Кроме того, образовалась коллизия, согласно которой установление вины в действиях контролирующего лица не может являться основанием для привлечения к ответственности без установления факта «умышленности». На основе данных положений, суды сформировали следующий подход к разрешению дел: в привлечении к субсидиарной ответственности отказывали в связи с отсутствием либо недостаточностью представленных в материалах дела доказательств, которые свидетельствуют о преднамеренности в действиях привлекаемого к ответственности лица [73].

Свое развитие субсидиарная ответственность продолжила в тексте Федерального закона от 26 ноября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который является действующим по состоянию на сегодняшний

день. В редакции 2002 года федеральный закон ничем не отличался от своего предшественника 1998 года. В связи с этим руководители и учредители по-прежнему не привлекались к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного юридического лица. Исключения составляли дела, в которых содержались очевидные проявления недобросовестного поведения со стороны контролирующих лиц, свидетельствующие о наличии факта преднамеренного банкротства, хотя процент таких дел являлся несущественным [Малиношевский, 2019]. Сложилась ситуация, в которой правовые нормы были регламентированы, однако фактически не реализовывались, характеризовались как «спящие» нормы. Подобное регулирование во время экономического кризиса послужило основанием для повышения эффективности законодательства и ущемления уровня злоупотреблений со стороны собственников юридических лиц [Шершиневич, 1898, с.8].

Все последующие совершенствования законодательного оформления субсидиарной ответственности связаны с внесением изменений в редакцию Федерального закона от 26 ноября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Самыми значимыми из них являются:

1. Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. №73-ФЗ. С помощью данного нормативного акта законодатель продолжил тенденцию конкретизации и расширения системы субсидиарной ответственности в законодательстве о несостоятельности (банкротстве). Так в тексте Закона о банкротстве впервые было сформулировано понятие «контролирующие должника лица», под которым признавалось лицо, которое имело давать обязательные для юридического лица указания или иным образом влиять на принимаемые от имени организации решения в пределах 2-х лет до момента принятия судом заявления о признании организации банкротом. Если данным признакам соответствуют несколько лиц, то их ответственность между друг другом будет характеризоваться как солидарная. Подобного рода изменения имеют направленность на повышение количества удовлетворённых требований кредиторов [Александров, с. 39]. Кроме уточнения субъекта ответственности,

изменения коснулись таких аспектов, как установление дополнительных оснований для субсидиарной ответственности (искажение данных или непредставление бухгалтерских документов). Фактически все изменения были направлены на закрепление за контролирующим должника лицом обязанности по доказательству своей невиновности (презумпция вины для контролирующих лиц). Но правоприменительная практика кардинально от 1998 года не изменилась. Судебными органами был сделан вывод о том, что действующие правовые нормы не имеют должной конкретизации. По мнению Булаевского Б.А. идея презумпции виновности контролирующего должника лица в деле о банкротстве судами не была принята как безусловная истина, а скорее как предложение [Булаевский, с. 136].

2. Федеральный закон от 26 июня 2013 г. №134. Обращая внимание на ошибки прошлых редакций Закона о банкротстве, законодатель продолжил модернизировать институт субсидиарной ответственности. В целях внесения конкретики, были внесены уточнения: контролирующее лицо должно быть привлечено к субсидиарной ответственности, в случае совершения или одобрения сделок, в результате которых причинен вред кредиторам. Что касается бухгалтерских документов, то искажение или подмена таких документов должно существенно затруднить прохождение процедур. Была также закреплена обязанность по доказыванию должником своей невиновности в банкротстве подконтрольной организации.

3. Федеральный закон №266 от 29 июля 2017 г. Как показывает практика, преобразование института субсидиарной ответственности в банкротстве производится постепенно, с устранением противоречий в функционировании правового института. Каждое из изменений приносит часть нововведений в существующий правовой механизм. Изменения, внесенные данным федеральным законом, не являются исключением. Однако вопрос доказывания вины контролирующего лица остается актуальным по настоящее время. 2017 год связан с большой реформой законодательства о банкротстве, в том числе в сфере субсидиарной ответственности. Ранее действующая редакция лишилась

статьи 10, согласно которой закреплялся общий порядок наступления ответственности руководителя. Замена ранее действующей нормы производилась путем принятия главы III.2. Закона о банкротстве, однако, прямое действие предыдущих редакций сохранялось для должников. Основным нововведением является принятие вместо одной статьи в законе целую главу III.2 «Ответственность руководителя и иных лиц в деле о банкротстве». Выделение положений о субсидиарной ответственности в отдельную главу Закона о банкротстве свидетельствует об укреплении данного института и увеличении количества производств, с участием контролирующих должника лиц.

Характер изменений законодательства о банкротстве становится проявлением использования в отечественном законодательстве принципа «снятия корпоративной вуали». Подобная концепция позволяет выявить фактического «теневого» бенефициара. При этом номинальный руководящий состав, который формально исполняет поручения теневого бенефициара, остается вне угрозы быть привлеченными к разбирательству в суде. В подобном случае вся ответственность ложится на реальных людей, которые принимают стратегических условий.

Подводя итог, стоит сказать, что законодательство в области субсидиарной ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве находится в постоянном изменении и поиске новых способов применения. В целом стоит отметить, что глобальные изменения законодательства в области субсидиарной ответственности, введенные в действие в 2017 году, способствовали ужесточению практики привлечения к ответственности контролирующих лиц, а созданные условия позволили активно применять данный институт в процедуре несостоятельности (банкротстве). Исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что для создания рабочей системы реализации субсидиарной ответственности необходимо нормативное регулирование, имеющее в своем содержании более конкретные нормы, которые исключают самовольное толкование и являются достаточными.

1.2. ПОНЯТИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ КАК СУБЪЕКТОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Определение субъекта ответственности является ключевой задачей при рассмотрении возможности привлечения лица к любому виду существующей правовой ответственности. При этом понятие субъекта ответственности содержит в себе основные качественные характеристики, позволяющие идентифицировать субъект ответственности среди других. С учетом специального правового положения администрации должника, для контролирующих лиц установлен особый правовой статус, предусматривающий как дополнительные права и обязанности, так и повышенный уровень обязательств за осуществление управления организацией.

В ходе постоянных реформ, действующее законодательство совместно с правоприменительной практикой выработало ряд собственных подходов к определению статуса контролирующего должника лица. Законодательный интерес в рамках регулирования процесса привлечения к ответственности органов управления организации, выражается во введении главы III.2 в Закон о банкротстве. Указанная глава закрепляет понятие контролирующего лица должника, основные презумпции привлечения к ответственности лиц данной категории, а также закрепляет положения о субсидиарной ответственности и порядок ее реализации в рамках процедуры несостоятельности. Кроме того, в самом названии главы делается акцент на том, что ответственность наступает как для руководителя, так и для иных контролирующих лиц.

Наряду с Законом о банкротстве, регулирование ответственности находится в постоянном поле зрения правоприменительной практики. Суды предоставляют необходимые разъяснения положений законодательства о банкротстве и формулируют определенные выводы, которые используются участниками дел о несостоятельности и другими судебными органами для формирования собственной позиции по делу. Большой вклад в регулирование ответственности внес Верховный Суд Российской Федерации, вынося

разъяснения в своих правоприменительных актах. Центральное место в разъяснениях судебной практики занимает Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее «Постановление №53»). Вышеупомянутое постановление не теряет своей актуальности по настоящее время в вопросе раскрытия основных положений ответственности контролирующих лиц.

Согласно статье 61.10 Закона о банкротстве, под контролирующим должника лицом следует понимать: физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий [9]. Основываясь на сущности и назначении правовых норм, регулирующих вопросы ответственности в деле о банкротстве, для определения лица как контролирующего, следует учитывать наличие функций контроля у лица до момента фактического возникновения признаков банкротства. При этом не имеет значения, скрывалось действительное финансовое состояние должника или нет, так как во внимание принимается трехлетний период до момента, когда должник не стал способен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов (объективное банкротство).

Контролирующее лицо имеет права и обязанности в процессе рассмотрения дела о банкротстве. В соответствии с Законом о банкротстве, контролирующее лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, имеет права и несет обязанности в качестве ответчика. Кроме того, такое лицо имеет право обратного требования (регресса) к должнику по делу о банкротстве, в

части предъявления собственных требований, удовлетворение которых осуществляется после всех требований, которые предъявляются к должнику. Что касается обязанностей, то они совпадают с обязанностями ответчика, включая обязанность предоставить в суд отзыв на заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, которое должно соответствовать требованиям арбитражного процессуального законодательства (по аналогии с отзывом на исковое заявление).

Из вышеизложенного понятия следует, что статус контролирующего лица должника устанавливается в отношении такого лица, которое имеет реальную возможность давать должнику обязательные для исполнения указания и самостоятельно определять его действия. Если говорить о даче указаний, то под этим стоит понимать активные действия контролирующего лица в виде передачи устных или письменных распоряжений, направленных на совершение тех или иных действий. Что касается возможности определять действия должника, такая возможность характеризуется в декларативном порядке, и достигается в следующем:

1. Нахождение с должником в отношениях родства, а также должностного положения. Очень часто подобная ситуация складывается между близкими родственниками, например, отец учредитель определяет действия своего сына, который является директором, по совершению заведомо убыточных сделок для подконтрольного юридического лица, с целью получения собственной выгоды. Должностное положение может проявляться в даче руководителем поручения для главного бухгалтера не предоставлять бухгалтерскую отчетность либо указать в расчетных документах искаженные данные о финансовом положении юридического лица.

2. Наличие полномочий на совершение сделок от имени должника. Подобные полномочия могут быть зафиксированы в действующем законодательстве, внутренних локально-нормативных правовых актах, а также в доверенности, выданной от имени юридического лица на конкретного сотрудника организации.

3. Наличие реальной возможности повлиять на финансовое состояние должника, на основе должностного положения. К данной категории могут относиться лица, которые замещают должности заместителя руководителя, главного бухгалтера, начальника службы финансового контроля или иные лица, находящиеся в должности, которая предоставляет им совершать управленческие действия в отношении предприятия должника.

4. Иными способами, создающими возможность оказывать влияние. Подобная категория создана для случаев, когда влияние на должника не является шаблонным и подлежит доказыванию в конкретном деле. Данный критерий является субъективными, но может включать в себя такие ситуации как угрозы, уговоры в отношении должностных лиц, осуществляющих принятие решений в отношении деятельности юридического лица. Еще одним примером возможности оказать влияние, подтвержденным арбитражной практикой, является неформальные личные отношения. К таким отношениям относятся сожителство, дружеские отношения, сформировавшиеся за период совместного обучения, длительная деятельности, в том числе военная служба. Круг оснований может расширяться (так как перечень является открытым), и реальному контролирующему лицу будет сложнее уйти от ответственности [Михневич, с. 154].

На основании действующих положений законодательства возникает вопрос: как на самом деле можно установить факт наличия у контролирующего лица должника возможности осуществлять контроль над организацией как непосредственно, так и опосредованно? Все указанные выше критерии возможности определять действия должника позволяют определить субъекта, как контролирующее должника лицо, создавая вариативность в данном определении. Такие характеристики носят факультативный характер, для того, чтобы сформировать перечень доказательств, которые будут определять роль лица в управлении должником. Самым главным критерием является право контролирующего лица давать обязательные для исполнения должником указания. При этом для определения лица как контролирующее необходимо

установить уровень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, а также наличие реальной возможности управления процессом руководства должником. Для проверки необходимо выявить, насколько значительным было влияние такого лица на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника [75].

В статьях Закона о банкротстве содержится перечень презумпций, которые формируют факты до момента их опровержения. Эти презумпции позволяют создать общеобязательные правила для привлечения контролирующего лица к ответственности. Пункт 4 статьи 61.10. Закона о банкротстве содержит три опровержимые презумпции, при наличии которых предполагается закрепление статуса контролирующего лица должника в деле о банкротстве. К таким презумпциям относят:

1. Наличие у лица статуса руководителя должника или управляющей организации должника, члена исполнительного органа должника, ликвидатора должника, члена ликвидационной комиссии. Подобный статус у лица должен быть оформлен в соответствии с требованиями действующего законодательства. Самым распространенным источником является получение сведений из ЕГРЮЛ.

2. Наличие у лица права совместно с другими лицами или самостоятельно распоряжаться 50% и более голосующих акций АО, половиной долей уставного капитала ООО, более половины голосов в общем собрании участников юридического лица правом назначать (избирать) руководителя должника или иными правами в области управления. Презумпция охарактеризована как аффилированности контролирующего лица должника непосредственно с самим должником.

3. Лицо имело возможность извлекать выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 ГК РФ. Презумпция имеет отдельный интерес для рассмотрения, так как не содержит закрытый перечень оснований для ее применения. Из положений законодательства следует, что под выгодой понимается увеличение

материальных и нематериальных благ лица, увеличение сбережений (активов), а также иные благоприятные изменения в законном благе [101]. Указанные изменения образуются при условии, что увеличение активов не может произойти без нарушения руководителем должника принципов законности и добросовестности, что выражается в обретении чужого имущества (реальный «антиущерб»), а также полученных доходах, которые лицо не получило бы при обычных условиях гражданского оборота, то есть без нарушения прав (удержанная выгода). Существуют различные варианты приобретения выгоды из недобросовестного поведения контролирующих лиц, в частности к таковым операциям относится перераспределение расходов между компаниями, входящими в одну группу. В качестве наиболее популярного способа получения подобного рода выгоды является кредитование должника в условиях недостаточной капитализации. Недобросовестным проявлением может служить использование преимуществ, с помощью которых предоставляется возможность ведения бизнеса через корпоративную форму и построение бизнес-модели с разделением на рискованные и безрисковые организации. Модель построена таким образом, что в случае неисполнения обязательства рискованная часть бизнеса подлежит банкротству, а безрисковая продолжает свою деятельность, освободившись от обязательств.

Единственным возможным вариантом для предполагаемого контролирующего лица должника опровергнуть данную презумпцию является доказательство своей добросовестности, путем предоставления информации о приобретении активов с учетом рыночных условий, о наличии документов в которых отражен весь полученный доход, размер которого подтверждается аналогичными сделками, совершенными в схожих условиях.

Понятие «контролирующего лица» можно толковать очень широко, так как согласно пункту 5 статьи 61.10 Закона о банкротстве, арбитражным судом может быть принято решение о признании лица контролирующим должника по иным основаниям. Статус «контролирующего» может быть присвоен любому лицу, обладающему полномочиями в области управления. Следовательно, в

категорию «контролирующих должника лиц» включаются как руководители, так и иные лица, «имеющие возможность определять действия должника».

На основании статьи 2 Закона о банкротстве, руководителем должника является единоличный исполнительный орган юридического лица или руководитель коллегиального исполнительного органа, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица без доверенности [9]. Положения статьи 65.3 ГК РФ определяют руководителя как «единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, председатель и т.п.)». При этом учредительным документом организации можно предусмотреть предоставление полномочий нескольким лицам, который могут действовать как совместно, так и независимо друг от друга в интересах представляемой организации. В качестве единоличного исполнительного органа могут выступать как физическое лицо, так и юридическое лицо. В случае если управление должником осуществляет другое юридическое лицо (управляющая компания), предполагается, что контролирующими лицами должника будет управляющая компания и ее руководитель. Данные лица будут солидарно привлечены к субсидиарной ответственности.

Полномочия руководителя организации могут иметь разный объем правомочий, в зависимости от организационно-правовой формы организации. Однако общим является определение правомочия руководителя как «руководство текущей деятельностью» организации.

Важным аспектом для привлечения к субсидиарной ответственности руководителя как контролирующего лица должника является установление признака недобросовестности в его действиях. По мнению О.Наумовой, «такое лицо несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе, если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску» [Наумова, с. 40]. Правоприменитель определил

критерии недобросовестного поведения руководителя должника следующим образом [74]:

1. Действия директора при наличии конфликта между его личными интересами и интересами самого юридического лица, в случае наличия фактической заинтересованности директора в совершении юридическим лицом сделки. Поведение может считаться добросовестным в случае раскрытия директором информации о конфликте интересов и одобрении его действий.

2. Скрытие информации директором о совершенной им сделке от участников юридического лица, либо предоставляли им недостоверную информацию, относительно сделки.

3. Совершение сделки при отсутствии одобрения уполномоченных органов юридического, при условии, что обязанность получить такое одобрение предусмотрена законодательством, а также учредительными документами юридического лица.

4. Нарушение обязанности по передачи документов, которые необходимо передать после прекращения полномочий руководителя. Для данного критерия необходимо наличие негативных последствий от подобных действий.

5. Недобросовестное осознание и понимание наступлений негативных последствий при совершении сделки для юридического лица.

Вместе с критериями недобросовестности, существуют критерии неразумности в поведении руководителя должника. Критерии подобного рода характеризуются следующими действиями: принятие решения без надлежащей оценки ситуации; принятие решения о совершении сделки без изучения информации о ней; совершение сделки без учета внутренней процедуры, которая существует для согласования решения о совершении сделки в конкретной организации.

Судебная практика также разрабатывает отдельные положения об определении статуса руководителя должника. Согласно положениям Постановления №53, при определении возможности привлечения к

ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве, необходимо выделять следующие категории руководителей:

1. Номинальный руководитель – управляющее лицо, формально входящее в состав руководящих органов юридического лица, которое не осуществляет фактическое управление, а полностью передает функцию управления другому лицу. Для номинального руководителя, как контролирующего лица должника, характерным признаком является формальное закрепление статуса в Едином государственном реестре юридических лиц, как руководителя организации, однако фактически «текущее руководство деятельностью» осуществляет другое заинтересованное лицо. Верховным судом РФ, касательно положения номинального руководителя, была высказана позиция о том, что номинальный руководитель не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом [75].

По общему правилу номинальный руководитель несет ответственность, предусмотренную статьями 61.11, 61.12, 61.20 Закона о банкротстве (субсидиарную ответственность и возмещение убытков) солидарно с фактическим бенефициаром. Размер ответственности может быть уменьшен, если номинальный руководитель поспособствует раскрытию фактических бенефициаров. В таком случае номинальный руководитель будет освобожден от ответственности, а фактический бенефициар будет привлечен к удовлетворению требований в полном объеме.

Очень часто лица пытаются избежать ответственности и прикрываются статусом номинальных руководителей, ссылаясь на других лиц как контролирующих организацию должника. Как ни странно, даже в условиях подобных злоупотреблений, правоприменительная практика складывается таким образом, что судом не могут быть проигнорированы любые доводы лица

о том, что он является номинальным руководителем. В любом случае, суд должен провести проверку по данному факту и обсудить вопрос о привлечении предполагаемых фактических руководителей организации должника в дело в качестве соответчика [87]. Подобная позиция в своих основаниях имеет несколько доводов. Во-первых, привлечение номинального руководителя к ответственности направлено на защиту интересов кредиторов имущественного характера. Так как номинальный руководитель не имел собственного экономического обогащения от руководства организацией, существует большая вероятность взыскания каких-либо активов с такого лица. Во-вторых, согласно позиции Верховного суда РФ, судебный акт, взыскание по которому является с большой вероятностью несостоятельным, по своему существу выступает в качестве «фикции судебной защиты», что никак не согласуется с задачами судопроизводства [85].

2. «Фактический руководитель». Наряду с номинальным руководителем, существует понятие «фактический руководитель». Под фактическим руководителем следует понимать лицо, имеющее правомочия по передаче номинальному руководителю обязательных для исполнения поручений, без наличия на это формально-законных полномочий. Именно фактический руководитель осуществляет непосредственное управление организацией, посредством направления номинальному руководителю обязательных для исполнения распоряжений. Еще одним признаком фактического руководителя является возможность извлекать из деятельности организации собственные материальные средства. Что касается разделения ответственности, то номинальный фактический руководители несут ответственность, предусмотренную Законом о банкротстве в солидарном размере.

В настоящее время количество номинальных руководителей уменьшается с каждым годом, что во многом является заслугой законодательства. Так, если сравнить количество номинальных руководителей в 2015 году и в 2018 году, после принятия изменений в ФЗ «О несостоятельности», то показатели соотносятся как 669,5 тыс. компаний против 132,2 тыс. компаний. Однако

феномен номинальных руководителей продолжает существовать и в настоящее время. Можно констатировать, что реальные бенефициары будут прибегать к данному явлению еще длительное время. Более того, проведение процедуры с привлечением номинальных руководителей к ответственности, поиск фактических бенефициаров должника существенным образом затягивает процедуру банкротства организации.

Единственным возможным способом уменьшить количество «номиналов», будет являться работа непосредственно с данными лицами. Необходимо повысить правовую грамотность формальных директоров для того, чтобы исключить дальнейшие негативные последствия. Для этого, предлагаем внести изменения в законодательства, а именно Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в части установления обязательного согласия, которое будет подписывать руководитель при регистрации юридического лица или смене руководителя организации. В данном согласии ему будет разъяснено, что, принимая полномочия руководителя юридического лица, он соглашается с тем, что он в полном объеме является контролирующим лицом, и в случае банкротства регистрируемой организации приобретает реальную возможность стать субъектом ответственности в рамках дела о несостоятельности (банкротстве). Подобного рода изменения смогут повысить уровень ответственного отношения людей к принятию на себя статуса номинального руководителя юридического лица.

Помимо лиц, которые могут являться контролирующими должника на основании прямого указания в законе (руководитель, учредитель, главный бухгалтер), к такой категории может быть отнесено любое лицо, которое осуществляет функции руководства деятельностью организации или является контролирующим в силу презумпций. Законодателем был оставлен открытый перечень для сохранения возможности привлечь к ответственности управляющих должником лиц различных категорий. Перечень «иные лица

контролирующие должника» во многом складывается на основании правоприменительной практики.

Относительно недавно в рамках судебной практики произошло формирование подхода, что в качестве контролирующих должника лиц в рамках дела о банкротстве могут быть привлечены специалисты, оказывающие консалтинговые услуги, в частности юрисконсульты. Такая практика относится как к штатным юристам, так и внештатным компаниям, предоставляющих услуги на основании гражданско-правовых договоров. Происходят попытки привлечь юристов за те действия, которые они совершали до момента объявления должника несостоятельным (банкротом).

Особую роль занимают юристы, которые имеют реальную возможность сохранить активы организации должника и осуществить их вывод в интересах бенефициаров. Подобные действия совершаются с помощью «организаций-однодневок», предоставления недостоверных документов о деятельности компании, сокрытии документов финансовой направленности. При всем при этом, даже подобные действия совершаются консультантами по указанию определенного круга лиц (руководитель, учредитель). Действия не имеют характеристики «контроля». Такое лицо не приобретает право на дачу обязательных указаний для юридического лица, не имеет заинтересованности в деятельности организации.

Несмотря на это, на сегодняшний день формируются прецеденты, направленные на привлечение юрисконсультов к ответственности как контролирующих лиц. Можно сказать, что удовлетворенные требования по этому вопросу отсутствуют, но сам факт развертывания практики в данном аспекте является весьма негативным. Так в деле №А27-7656/2016 о банкротстве АО «Шахта «ЗАРЕЧНАЯ», конкурсным управляющим было подано заявление о привлечении юриста Захарова Д.Н. к субсидиарной ответственности как контролирующее лицо на основании того, что данный специалист длительное время оказывал юридические услуги бенефициару и другим организациям группы компаний должника. Суд отказал в удовлетворении требований,

ссылаясь на то, что оказание юридических услуг не свидетельствует о том, что лично им принимались ключевые решения по ведению финансово-хозяйственной деятельности должника [92].

Одним из самых резонансных дел по данному вопросу является дело о привлечении к субсидиарной ответственности юриста Вотиновой Т.Ю. в рамках дела №А76-22330/2018 о банкротстве кооператива «Уральская плодоовощная компания». В своем заявлении конкурсный кредитор указал на то, что юрист является фактически контролирующим должника лицом, организатором и разработчиком фиктивного документооборота. Данный специалист длительное время осуществлял сопровождение группы контролирующих должника лиц, включая представление интересов в суде, имел представление о финансово-хозяйственной деятельности должника. Вместе с заявлением, кредитором было направлено ходатайство о наложении ареста на имущество юриста.

Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство в виде наложения ареста на имущество юриста, обосновав свое решение тем, что специалист представлял в судах интересы должника и контролирующих должника лиц на основании доверенности, содержащей «широкие полномочия» [96]. В судебном акте отсутствовали ссылки на противоправное поведение юриста, информации о наличии фактов заключения сделок от имени должника либо наличия трудовых отношений с должником, с контролировавшими лицами, однако суды вышестоящих инстанций оставили решение в силе, а жалобы без удовлетворения.

Определением Арбитражного суда Челябинской области в удовлетворении заявления о привлечении Вотиновой Т.Ю. к субсидиарной ответственности было отказано. По мнению суда, в деле отсутствуют доказательства, которые подтверждают наличие у указанного лица фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия, а также того, что перечисление денежных средств в пользу Вотиновой Т.Ю. являлось объективной причиной

наступления банкротства должника [97]. Однако для практики наличие удовлетворенного требования об аресте имущества, как обеспечительной меры, является резонансным, так как подобный арест может сохраниться до момента окончания рассмотрения конкретного заявления.

По мнению правоведа Ганина П.В. «учитывая тревожную динамику в рамках рассмотрения споров о привлечении к субсидиарной ответственности, любой участник гражданского оборота, осуществляющий какое-либо взаимодействие с должником, имеет риск оказаться участником судебного разбирательства, где будет вынужден доказывать отсутствие своей вины в банкротстве должника» [Ганин, с.65]. Практика подобного рода не соотносится с положением о том, что привлечение контролирующих лиц должника к ответственности является «исключительной мерой». В данный момент мы не имеем положительной практики в привлечении специалистов консалтинговых услуг к ответственности в деле о банкротстве. Однако в случае формирования подобной практики необходимо создать механизм защиты от необоснованного привлечения к ответственности данной категории лиц в деле о банкротстве.

ГЛАВА 2 СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

2.1. ПОНЯТИЕ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Субсидиарная ответственность является основной разновидностью ответственности контролирующего должника лица в деле о банкротстве. Именно с помощью данной правовой конструкции представляется возможным обеспечить удовлетворение требований кредиторов по отношению к должнику. В свою очередь привлечение руководителя и иных контролирующих лиц должника к административной или уголовной ответственности направлено на защиту публичных интересов и основ правопорядка. В такой ситуации основной целью является пресечение и предупреждение противоправного поведения контролирующего лица, а не удовлетворение имущественных интересов кредиторов.

Основные положения о субсидиарной ответственности содержатся в гражданском законодательстве, в частности в ст. 399 ГК РФ, согласно которой «до предъявления требований к лицу, которое в соответствии с законом, иными правовыми актами или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником (субсидиарную ответственность), кредитор должен предъявить требование к основному должнику. Если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, это требование может быть предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность» [2]. Смысл подобной конструкции заключается в том, что при наступлении определенных условий лицо (субсидиарный должник) дополнительно привлекается к ответственности вместе с другим лицом, являющимся основным должником. При этом, перед предъявлением требований к субсидиарному должнику, такое

требование должно быть адресовано кредитором к основному должнику [Алексеева, Аминов, Бандо, с. 365].

Основываясь на положениях действующего законодательства, а также общих условиях применения субсидиарной ответственности, представляется возможным выделить несколько существенных признаков ее реализации.

Основным признаком является наличие определенного и обязательного субъектного состава участников правоотношения. Для субсидиарной ответственности обязательным является наличие следующих субъектов: кредитора, основного должника и субсидиарного должника. Подобный состав субъектов выражает суть субсидиарной ответственности: защита интересов кредитора осуществляется путем создания возможности удовлетворить его требования, посредством предъявления указанных требований к дополнительному должнику, вместо основного должника. В подобной ситуации основной должник выступает в качестве вспомогательного субъекта, деятельность которого непосредственно связана с причинно-следственной связью между его действиями (бездействием) и наступившими последствиями, при этом центральный субъектный состав состоит из кредитора и субсидиарного должника.

Положение субсидиарного должника имеет двойственный характер. С одной стороны, он не является основным, однако после неисполнения обязательств основным должником требования могут быть предъявлены к субсидиарному должнику. При этом субсидиарный должник приобретает права и обязанности основного должника. Таким образом, статус субсидиарного должника переходит с «резервного» на «первоочередной».

К другим признакам субсидиарной ответственности можно отнести имущественный характер правоотношений, который связан с компенсаторным характером ответственности, что означает возмещение убытков, ущерба, уплатой неустойки и применением других санкций, которые связаны с имуществом и имущественными правами участников таких правоотношений. Еще одним признаком является соразмерность ущерба и ответственности,

однако данный признак имеет свои особенности. Это связано с тем, что такое соотношение является остаточным из-за наличия основного должника, который имеет возможность частичного погашения требований кредиторов. Из этого следует, что к субсидиарному должнику может быть предъявлена лишь часть долга, которая была непокрыта основным должником. Подобная ситуация не является исключительной и ее наступление зависит от конкретных ситуаций. В данном случае важно, что общий размер ответственности должен соответствовать принципу соразмерности в части привлечения контролирующего лица должника к субсидиарной ответственности.

Для субсидиарной ответственности характерно наличие специфического признака - вторичность субсидиарной ответственности по отношению к ответственности основного должника. В случае долевой ответственности, каждый из долевого должника является основным в рамках соответствующей доли, при солидарной ответственности должник будет являться основным ко всей возникающей задолженности. В случае субсидиарной ответственности, долг основного должника переходит к третьему лицу, которое обозначено как лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, выражаемое в переходе требований от основного должника к субсидиарному должнику, в размере обязательств основного должника. Подобная конструкция взаимодействия с элементами второстепенности выступает положительным образом. С помощью нее создается возможность систематизировать правоотношение, а также сделать его менее рискованным, в частности для кредитора. Участники правоотношений осознают порядок перехода требований между должниками, что исключает злоупотребления правом со стороны кредиторов. При этом сам кредитор уменьшает свой риск, так как имеет реальную возможность удовлетворить свои требования с помощью субсидиарного кредитора, с исполнением обязательств частями: сначала требования кредитора удовлетворяются основным должником в возможном размере, после чего размер остатка может быть погашен субсидиарным должником.

Возможность применения субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве в отношении контролирующих лиц должника вызвана специфическим статусом таких лиц. Указанные лица имеют реальную возможность распределять ресурсы, а также с помощью управленческого статуса приобретать права и обязанности юридического лица. Именно по этой причине к таким субъектам должна быть применены дополнительные меры ответственности в деле о банкротстве, одной из которых является механизм субсидиарной ответственности. Ее применение наряду с нормами гражданского законодательства предусматривается специальными нормами Закона о банкротстве, в частности главой III.2, где регламентируются основания, порядок и процедура применения субсидиарной ответственности к руководителю и иным контролирующим лицам.

Принципы правовой реализации механизма субсидиарной ответственности не выражены прямо во всей их полноте в нормах законодательства, но могут быть раскрыты в научной литературе, а также в материалах правоприменительной практики. Согласно ППВС РФ №39, для субсидиарной ответственности характерно наличие следующих признаков [75]:

— Механизм субсидиарной ответственности контролирующих лиц является исключительно мерой, применение которой возможно при наличии обоснованных фактических обстоятельств, которые свидетельствуют об исчерпании иных возможностей удовлетворить требования кредиторов;

— В случае привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности важно помнить об имущественной обособленности должника – юридического лица, его самостоятельную ответственность в силу положений гражданского законодательства. При этом запрещается использовать данную характеристику юридического лица в целях причинения вреда другим участникам гражданских правоотношений. Такие действия могут свидетельствовать о недобросовестном поведении контролирующих лиц.

— Наличие у участников юридического лица, его органов управления и иных лиц, входящих в его состав, свободы усмотрения при реализации управленческих решений. В случае принятия решения, которое повлекло негативные имущественные последствия для деятельности организации, субсидиарная ответственность не подлежит применению, в случае отсутствия умышленных действий со стороны контролирующих лиц.

Многие ученые различным образом подходят к рассмотрению правовой конструкции «субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц», а также основных принципов применения такой ответственности.

По мнению А.И. Каминки «субсидиарная ответственность контролирующего лица без установленного лимита ответственности является обоснованной, если руководство организации находится непосредственно в руках контролирующего лица» [Каминка, с. 96]. Указанное положение справедливо подчеркивает, что контролирующее лицо подлежит более высокому уровню ответственности, если все управленческие решения принимает один единственный субъект. Указанное обстоятельство может быть принято судом как одно из оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, при наличии иных обстоятельств.

Автор К.И. Евтеев определяет субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности как «существующую в пределах конкурсного производства внедоговорную, реализуемую при недостаточности имущества должника, ответственность контролирующих должника лиц, неправомерными действиями (бездействием) и решениями которых была вызвана его несостоятельность в совокупности» [Евтеев, с.117].

Согласно позиции Ю.Я. Крюковой, субсидиарная ответственность в банкротстве рассматривается «как гражданские правоотношения, в результате которых у руководителя возникают обязательства перед кредиторами за ненадлежащее исполнение основным должником своих обязательств» [Крюкова, с. 80]. В данном определении не хватает термина «контролирующее

должника лицо», а также положения о том, что ответственность подобного рода наступает при отсутствии удовлетворения требований со стороны основного должника.

Очень важно отметить, что для субсидиарной ответственности характерно наличие принципа ограничения ответственности, применяемой к субъектам. Принцип ограничения ответственности в правовой науке может быть рассмотрен как «правовой локомотив развития экономики» [Молотников, с. 61]. Присутствие подобного принципа увеличивает экономическую заинтересованность субъектов в предпринимательской деятельности, путем привлечения средств в деятельность предприятий, в том числе рискованные коммерческие проекты.

Автор Гутников О. В., по вопросу ответственности контролирующих лиц придерживается мнения о том, «что ответственность за неправомерные действия контролирующего лица должна применяться лишь в исключительных случаях, с конструированием как специфический деликт» [Гутников, с. 52]. Таким образом, субсидиарный должник подлежит привлечению к ответственности в случае причинения вреда кредиторам юридического лица, который вызван неисполнением или ненадлежащим исполнением основным должником обязательств перед собственными кредиторами.

С учетом вышеизложенного, предлагается рассматривать субсидиарную ответственность контролирующих лиц в деле о банкротстве как специальную разновидность субсидиарной ответственности, в рамках которой контролирующее лицо приобретает обязанность исполнить обязательства перед кредиторами подконтрольного ему юридического лица, при наличии обстоятельств, подтверждающих причинно-следственную связь между наступившими обязательствами и недобросовестными действиями контролирующего лица.

В процессе привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности происходит столкновение интересов кредиторов, основного и субсидиарного должника. Кредиторы заинтересованы в удовлетворении своих

имущественных требований в полном объеме в максимально оперативные сроки. Основной должник заинтересован в сохранении наиболее ценных активов и удовлетворении как можно большего количества требований. Субсидиарный должник заинтересован в том, чтобы избежать привлечения к субсидиарной ответственности или минимизировать взыскания от кредиторов основного должника. Для того чтобы обеспечить баланс прав и обязанностей всех участников правоотношений, необходимо выработать эффективный механизм привлечения к субсидиарной ответственности. Подобный результат может быть достигнут с помощью обобщения судебной практики.

Одними из ярких примеров развития правоприменительной практики по формированию позиций относительно субсидиарной ответственности являются Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ. В первую очередь судебной практикой был сделан акцент на том, что при применении механизма субсидиарной ответственности важным аспектом остается учет сущности юридического лица, его правовой конструкции. Прежде всего, это обособленность субъекта, его самостоятельность как субъекта ответственности, свобода выбора способов управления участниками, в зависимости от вида юридического лица, а также независимость в согласовании деловых решений [79]. Такая независимость ограничивается запретом на причинения вреда участниками юридического лица интересам третьих лиц, с помощью предоставленных им свобод (недобросовестность, злоупотребление правами.)

Еще одним немаловажным подходом является доктрина «прокалывания корпоративной вуали» в процессе привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности [Будылин, с. 91]. Суть данной доктрины заключается в создании реальной возможности возложить ответственность по обязательствам компании на ее управленческое звено. В подобной ситуации суд в рамках рассматриваемого спора признает, что должник - юридическое лицо не имеет обособленности, в связи с чем, контролирующее лицо приобретает права и обязанности такого лица. Это говорит о том, что самостоятельность по обязательствам «стирается» между юридическим лицом

и контролирующими лицами. Снятие корпоративной вуали возможно лишь в исключительных случаях, в частности к которым относится процедура несостоятельности.

Важным остается вопрос доказательства обоснованного применения субсидиарной ответственности в отношении контролирующего лица. Это связано с отсутствием у заявителя прямых доказательств, необходимых для применения данного вида ответственности, что вызвано нежеланием контролирующих лиц в добровольном порядке предоставить документы, отражающие их правовой статус, положение дел в организации, направление делового оборота в компании [Свидоренко, с. 20]. Из-за этого обоснованность применения субсидиарной ответственности чаще всего строится на основании косвенных доказательств, которые могут быть получены в ходе анализа деятельности субъектов управления.

Косвенные доказательства не всегда толкуются судом в пользу заявителя. Особенно это проблематично в том случае, когда факт контроля должника не установлен судом. Для того чтобы косвенные доказательства были направлены против ответчика, они должны быть обоснованными, а также согласованными между собой. Доказательства подобного рода в полном объеме должны подтверждать факт наличия реальной возможности отдавать обязательные для должника указания.

Таким образом, субсидиарная ответственность контролирующего лица должника в деле о банкротстве является исключительной мерой ответственности, применение которой должно иметь надлежащее обоснование в ограничении самостоятельности обязательств юридического лица и контролирующих его лиц.

Механизм субсидиарной ответственности предполагает, что в случае выявления контролирующего лица и установления его статуса, в последующем происходит возмещение непогашенных требований кредиторов за счет активов контролирующего лица должника. Субсидиарная ответственность устанавливается в размере, который составляет размер требований кредиторов

(в том числе по текущим платежам), оставшийся не погашенными в связи с недостаточностью имущества. Более того, должником может быть инициирована процедура взыскания убытков с контролирующего лица, которое имело фактическую возможность определять действия юридического лица. В случае привлечения к субсидиарной ответственности представляется возможным обратиться взыскание на собственность контролирующего лица, что необходимо для удовлетворения требований кредиторов. Процедура по привлечению к субсидиарной ответственности может перерасти в процедуру банкротства самого контролирующего лица из-за отсутствия у последнего имущества для удовлетворения требований кредиторов. Чаще всего взыскание обращается на материальные активы контролирующего лица. Но можем ли мы рассмотреть объекты интеллектуальной собственности как имущество, за счет которого могут быть удовлетворены требования по субсидиарной ответственности?

Первым вопросом в рамках правового регулирования обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности в делах о банкротстве является определение видов таких объектов и их судьбы. Зачастую в рамках процедуры банкротства большая часть объектов интеллектуальной собственности остается не включенной в конкурсную массу, и не находится в поле зрения управляющего и кредиторов. Данный факт связан с тем, что такие объекты обладают правовой спецификой, а также признаками, исключающими обращение взыскания на некоторые виды активов.

Механизм включения объектов интеллектуальной собственности в гражданский оборот на современном этапе стал возможен благодаря принятию части IV ГК РФ. Согласно статье 1241 ГК РФ, переход прав на объекты интеллектуальной собственности возможен как в специально установленных случаях, так и при обращении взыскания на имущество правообладателя [6]. Однако не на все объекты интеллектуальной собственности распространяется возможность отчуждения в процессе несостоятельности. В это связи предлагается выделить следующие категории объектов интеллектуальной

собственности и прав на них в зависимости от возможности обращения на них взыскания.

1. Объекты интеллектуальной собственности, на которые невозможно наложить взыскание на основании прямого указания действующего законодательства (невозможность обращения к взысканию). Прежде всего, данную категорию составляют объекты, права на которые находятся в тесной связи с личностью субъекта права (личные неимущественные права автора и иных правообладателей). К таким правам следует относить право на авторство, право обнародования произведения и т.д. Согласно статье 150 ГК РФ данные права «неотчуждаемы и непередаваемы иным способом». Требования законодательства не позволяют мерами принуждения заставить автора опубликовать его произведения для того, чтобы удовлетворить требования кредиторов. Схожие положения имеются в статье 1284 ГК РФ, где декларируется запрет обращения взыскания на исключительные права на произведение науки, искусства, литературы, исполнение, в том числе на программы для ЭВМ, которые принадлежат автору или его наследникам. Таким образом, в настоящее время авторские права защищены от взыскания в рамках процедуры несостоятельности, в силу прямого указания в законе.

2. Объекты интеллектуальной собственности, обладающие свойством распространенного взыскания. Вторая категория состоит из объектов, на которые возможно наложить взыскание из-за отсутствия запрета в законодательстве. Практика обращения взыскания на такие объекты является весьма распространённой. В большинстве своем объекты интеллектуальной собственности, входящие в состав данной категории, имеют соответствующую процедуру регистрации. Одним из возможных способов является регистрация объекта в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (далее «Роспатент»). Особенность объектов заключается в том, что право на подобные объекты подтверждается определенным правоустанавливающим документом. К примеру, правоустанавливающим документом выступает свидетельство или патент (документ, подтверждающий право на изобретение, промышленный

образец, полезную модель и т.д.). Сведения о наличии прав у должника можно получить путем обращения в соответствующие государственные реестры. Самыми распространенными объектами, на которые обращается взыскание, являются товарные знаки и объекты патентного права.

3. Третья категория характеризуется как объекты, обращение взыскания на которые не имеет прямого запрета в законодательстве, но в связи с отсутствием полной правовой регламентации, их привлечение в процедуру банкротства является крайне затруднительным. К таким объектам следует отнести топологию интегральных микросхем, секрет производства (ноу-хау), незарегистрированные программы для ЭВМ. Основной проблемой для обращения взыскания в процедуру банкротства на такие объекты является отсутствие общедоступных сведений у кредиторов о том, какие именно объекты принадлежат должнику. Это связано с тем, что информация отсутствует в реестрах, а содержится в договорах и соглашениях, стороной которых непосредственно является должник.

В рамках данной категории интересен вопрос обращения взыскания на секрет производства (ноу-хау) в рамках дела о банкротстве, вызванный его специфической правовой природой. Согласно ст. 1465 ГК РФ, секрет производства (ноу-хау) определяется как объект интеллектуальной собственности, имеющий специальные характеристики: действительная или потенциальная коммерческая ценности объекта, вызванная его неизвестностью для третьих лиц. Правовая охрана объекта осуществляется до того момента, пока сохраняется конфиденциальность его элементов, которые в свою очередь составляют содержание объекта и находятся в режиме коммерческой тайны. Следовательно, в случае, когда происходит распространение составляющих секрета производства, и сведения о нем становятся общеизвестными, исключительное право на ноу-хау прекращается.

Положения статьи 139 ФЗ «О несостоятельности» устанавливают порядок продажи имущества через процедуру торгов. Из этой ситуации возникает вопрос, каким образом должна происходить реализация секрета производства

на торгах во время проведения конкурсного производства? Сложность возникает из-за того, что при формировании лота, предметом которого является секрет производства, должна быть раскрыта информация об объекте, включая ту часть интеллектуальной собственности (конфиденциальная информация), раскрытие которой приводит к прекращению его правовой охраны. В подобной ситуации возникает риск для кредиторов потерять ценный актив из конкурсной массы в виду потери его стоимости. Одним из путей решения в данной ситуации является организация торгов таким образом, чтобы все существенные условия секрета производства не подлежали раскрытию в процессе проведения торгов, но при этом был создан механизм соблюдения прав, как кредиторов, так и лиц, желающих приобрести секрет производства.

Специфика объектов интеллектуальной собственности в делах о банкротстве имеет некоторые проблемные аспекты. Прежде всего, данные обстоятельства вызваны тем, что объекты интеллектуальной собственности не являются типичным имуществом. Такие активы в основном встречаются у крупных предприятий и организаций. С этим и связаны некоторые коллизии в сфере несостоятельности.

При рассмотрении дела о банкротстве может возникнуть следующая ситуация: требования кредиторов удовлетворены в полном объеме, а исключительные права на товарные знаки остаются в конкурсной массе. Указанные права не может принять на себя учредитель должника, если он не является юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем. В ситуации подобного рода возникает неопределенность нахождения права на товарный знак. А.С. Зверева высказывает мнение о том, что для подобной ситуации представляется возможным применение аналогии закона. Положение статья 238 ГК РФ устанавливает правило о том, что в случае, если в собственности лица оказалось имущество по основаниям, допускаемым законом, которое в силу закона не может ему принадлежать, такое имущество должно быть отчуждено собственником в течение года с момента возникновения права собственности на это имущество, кроме случаев, когда

законом установлен иной срок. Подобный механизм позволит либо устранить препятствия для получения прав у учредителей на товарный знак, либо позволит осуществить реализацию данных прав [Зверева, с. 62].

При таких обстоятельствах решением проблемы является закрепление возможности регистрации товарных знаков на физических лиц. В настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе РФ находится на рассмотрении законопроект № 63528-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения круга правообладателей товарных знаков). Согласно данному законопроекту предлагается наделить физических лиц правомочием регистрировать товарные знаки на свое имя. Инициатором подобных изменений является Минэкономразвития России в соответствии с дорожной картой «Трансформации делового климата», идея которой заключается в повышении деловой активности и развития предпринимательской деятельности [72].

Верховный Суд РФ в пункте 175 Постановления Пленума от 23.04.2019 № 10, исходит из того, что «если после завершения дела о банкротстве исключительное право на товарный знак принадлежит физическому лицу, который не является индивидуальным предпринимателем, то руководствуясь положениями пп. 4 п. 1 ст. 1514 ГК РФ, охрана товарного знака может быть прекращена досрочно, за исключением ситуаций, когда при подачи заявления в Роспатент исключительное право на товарный знак снова принадлежит юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю» [77]. В указанной позиции имеется риск неоднозначного толкования, так как товарный знак не может потерять значения после завершения процедуры банкротства. Переход товарного знака к другому лицу может нарушить его ценность, а также сказаться на репутации выпускаемой продукции.

Еще одним спорным вопросом является реализация имущества супругов при совместном владении объектом интеллектуальной собственности при банкротстве одного из супругов соответственно. Согласно пункту 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «в случае,

когда процедуры несостоятельности введены в отношении обоих супругов, их общее имущество подлежит реализации в деле о банкротстве того супруга, который в публичном реестре указан в качестве собственника либо во владении которого находится имущество, права на которое не фиксируются в публичных реестрах» [76]. Однако включение части объектов интеллектуальной собственности в публичные реестры не является обязательным в силу положений законодательства. Одним из возможных путей решения данной проблемы является фиксация фактического использования объекта интеллектуальной собственности каждым супругом, до момента введения процедуры несостоятельности (банкротства) одного из них.

Руководствуясь положениями статьи 35 Семейного кодекса РФ стоит отметить, что каждый из супругов при использовании общего имущества вместе со своими интересами обязан руководствоваться и действовать в интересах другого супруга. Когда объекты интеллектуальной собственности включены в состав общего имущества супругов, персональные интересы одного из супругов не могут подтверждаться фактом как самостоятельного использования, так и заключением лицензионных соглашений с третьими лицами. Именно по этой причине объекты интеллектуальной собственности, составляющие общее имущество супругов, не могут быть включены в состав конкурсной массы в процедуре банкротства одного из супругов, так как подобные действия повлекут нарушение прав другого супруга, как полноправного владельца общего имущества.

Одним из возможных путей решения указанной выше проблемы является выделение доли в исключительном праве на объекты, относящиеся к интеллектуальной собственности, каждого из супругов, которые в свою очередь составляют общее имущество. Подобные действия могут позволить обратиться к взысканию на долю в праве на объект интеллектуальной собственности супруга-банкрота, с соблюдением интересов, как второго супруга, так и кредиторов. Открытым остается вопрос о целесообразности и эффективности включения доли в праве на объект интеллектуальной собственности в состав конкурсной

массы должника. Это связано с тем, что не каждый объект может сохранить свою ценность и уникальность подобного рода выделения.

Таким образом, интеллектуальная собственность может стать объектом взыскания по требованиям, которые предъявляются к контролирующему лицу должника. Это касается только тех объектов, обращение взыскания на которые предусмотрено действующим законодательством. Однако при выборе подобных действий нужно оценивать целесообразность проводимых мероприятий. Вполне вероятна ситуация, когда обращение взыскания будет направлено на технологию, которая является устаревшей в настоящее время. Проведение взыскания такого актива не приведет к положительному результату в виде удовлетворения требований кредиторов.

2.2. ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Как и любой вид ответственности, субсидиарная ответственность контролирующих лиц в деле о банкротстве имеет собственные основания для применения и порядок реализации ответственности. С учетом того, что субсидиарная ответственность при несостоятельности является исключительной мерой ответственности, порядок и основания имеют свои специфические черты. Регулирование данного вида ответственности осуществляется как гражданским законодательством, так и законодательством в области банкротства. Однако каждая из этих отраслей законодательства по-разному регламентирует применение данного института [Тюньков, с. 17].

1. При применении субсидиарной ответственности по действующему гражданскому законодательству необходимо доказать переход денежных средств (имущества) должника к контролирующим должника лицам [73]. В тоже время привлечение к субсидиарной ответственности согласно

действующему законодательству о банкротстве возможно применить при наличии виновных действий со стороны контролирующих должника лиц [82].

2. В законодательстве имеется разный подход к вопросу распределения обязанности по доказыванию вины субъекта ответственности. Так, согласно нормам ГК РФ, бремя доказывания возлагается на заявителя, в то время как законодательство о несостоятельности определяет привлекаемое лицо, как субъекта, который обязуется опровергнуть наличие вины в своих действиях. В этой связи для унифицирования норм законодательства, возможным вариантом является внесение изменений в законодательство о банкротстве, в частности закрепить положение о том, что реализация привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности возможно осуществить при наличии факта использования контролирующим лицом денежных средств должника, с их последующим отчуждением в отношении последнего или его интересах.

В рамках рассматриваемой темы нас интересует порядок привлечения к субсидиарной ответственности в рамках процедуры несостоятельности (банкротства). Признаки контролирующего лица, указанные в пункте 2 статьи 61.10 Закона о банкротстве, позволяют сделать вывод о том, что к КДЛ могут относиться директор по развитию, главный бухгалтер, а так же иные должностные лица, которые в силу своего положения могут осуществлять корпоративное управление должником. Законодательством о банкротстве предусмотрены следующие основания, которые позволяют привлечь контролирующее лицо должника к субсидиарной ответственности:

- 1) невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица;
- 2) неисполнение или несвоевременное исполнение обязанности по подаче заявления о признании;
- 3) обязанность возместить убытки, возникшие в результате нарушения требований Закона о банкротстве;

4) обязанность возместить убытки, причиненные необоснованным возбуждением производства по делу о банкротстве или необоснованным признанием (неоспариванием) требований кредиторов.

Одним из оснований привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности является неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд. Норма статьи 61.12 находится в непосредственной взаимосвязи со статьей 9 Закона о банкротстве, согласно которой руководитель должника обязан обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом) в случае выявления признаков неплатёжеспособности, а также невозможности удовлетворить требования кредиторов за счет своего имущества. В ситуации, когда контролирующее лицо игнорирует требование законодательства о подаче такого заявления (отказ от созыва и проведения собрания участников по вопросу подачи заявления о банкротстве организации), такое лицо подлежит привлечению к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Если подобного рода обязанность возлагается на несколько лиц, такие лица несут ответственность за свои действия солидарно. К ответственности в данном случае привлекается не только руководитель должника, но и владельцы, которые обладают правом инициировать созыв собрания участников, на котором должно быть принято решение о подаче заявления.

Важно сказать, что, по общему правилу, контролирующие должника лица несут ответственность по обязательствам должника, возникшие в период истечения срока подачи заявления о банкротстве. Требования, о возникновении которых конкурсный кредитор знал или должен был знать до момента возникновения обязанности о подаче заявления контролирующими лицами, не составляют размер ответственности. Исключениями в этом случае являются требования об уплате обязательных платежей и требований, которые возникли из договорных отношений.

Еще одним основанием для субсидиарной ответственности могут выступать действия или бездействия КДЛ, вследствие которых стало

невозможно полное погашение требований кредиторов. Презумпция подобного рода предполагает, что до того момента, пока контролирующим лицом должника в деле о банкротстве не будет доказано иное, невозможность погасить требования кредиторов в полном объеме зависит от контролирующего лица, при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

- установлен факт причинения существенного вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника, а также совершение указанных сделок по указанию такого лица. Такой признак, как «существенный вред» является оценочным понятием, под которым признается вред, который причинен сделками с активами на сумму, эквивалент которой составляет 20-25% общей балансовой стоимости имущества [101].

- нарушение правил ведения бухгалтерской отчетности. Такие нарушения проявляются в отсутствии документов отчетности, ведение, учет и хранение которой являются обязанностью организации или в искажении данных бухгалтерской отчетности. Вследствие указанных нарушений становится невозможным реализовывать процедуру банкротства в полном объеме. Затруднения выражаются в препятствиях по формированию и реализации конкурсной массы. Ответственность по данному основанию наступает как для руководителя организации, так и для лиц, которые обязаны вести подобного рода учет.

- требования кредиторов третьей очереди по основной сумме задолженности подтверждены решением о привлечении должника или его должностных лиц к уголовной, административной ответственности при условии, что размер таких требований превышает 50% общего размера требований кредиторов по основной задолженности.

- в Единый государственный реестр юридических лиц или Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц не внесены или внесены недостоверные сведения, которые подлежат

обязательному включению в соответствии с требованиями законодательства на дату возбуждения дела о банкротстве.

Кроме вышеперечисленных общих оснований, контролирующее должника лицо имеет реальную возможность понести субсидиарную ответственность по следующим дополнительным обстоятельствам:

- погасить требования кредиторов стало невозможно из-за действий (бездействия) со стороны контролирующего должника лица, но арбитражное по делу о банкротстве было прекращено по причине отсутствия средств, которые являются достаточными для возмещения судебных расходов на проведение процедур, которые применяются в деле о банкротстве, или заявление, направленное уполномоченным органом, о признании должника банкротом возвращено. Следует сказать о том, что возвращение заявления о признании должника банкротом от уполномоченного органа является специальным основанием для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности вне процедуры банкротства, по правилам арбитражного законодательства. В случае если заявление было подано иными лицами и возвращено, тогда привлечение к субсидиарной ответственности осуществляется согласно требованиям ст. 53.1 ГК РФ;

- признаки неплатежеспособности возникли все зависимости от деятельности контролирующего должника лица, однако после появления признаков несостоятельности, такое лицо совершила все возможные действия, направленные на ухудшение финансового состояния должника, вследствие чего уменьшилась ликвидность его активов, и реальная возможность осуществить расчет по долгам кредиторов.

Размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица подлежит расчету по совокупному размеру требований кредиторов, которые включены в реестр требований, а также тех требований, которые были заявлены после закрытия реестра. Более того, к размеру указанных требований кредиторов необходимо добавить требования по текущим платежам, которые остаются непогашенными из-за недостаточности имущества должника

Контролирующее лицо должника имеет возможность уменьшить размер требований или полностью их исключить в судебном порядке. Арбитражный суд имеет право уменьшить размер или освободить КДЛ от ответственности в том случае, если такое лицо докажет, что в процессе исполнения управленческих функций лицо не оказывало влияние на деятельность юридического лица (например, деятельность «номинального руководителя») и, если на основании информации такого лица будет установлен субъект, который фактически осуществлял контроль и руководство деятельностью должника. Как реабилитирующее основание для освобождения от субсидиарной ответственности могут рассматриваться действия лиц, с помощью которых было обнаружено скрытое имущество должника, которое подлежит включению в конкурсную массу. Суд оценивает действия контролирующих лиц на предмет их соответствия обычным условиям гражданского оборота, добросовестности, разумности. Для более вероятного исключения ответственности следует установить факт отсутствия нарушения требований кредиторов, а также направление деятельности КДЛ на предотвращение нарушений прав и законных интересов кредиторов.

В целях изучения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, как отдельного механизма ответственности, необходимо определить порядок его реализации. С учетом того, что подобного рода ответственность применяется в процедуре банкротства, использование общего порядка привлечения к субсидиарной ответственности в чистом виде является ошибочным. Это связано с презумпцией виновности должника по отношению к требованиям кредиторов.

При обобщении всего правового материала, можем выделить следующий порядок привлечения контролирующего лица должника к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства:

1. Подготовка и подача уполномоченными лицами заявления о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ самостоятельно через собрание кредиторов или через арбитражного управляющего.

2. Рассмотрение и исполнение требований судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности.

При оценке внепроцессуального порядка привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, предусмотренного нормами гражданского законодательства, следует отметить, что данный порядок отсутствует, так как он совпадает с процессуальным порядком привлечения к ответственности, который предусмотрен законодательством в области банкротства и процессуальным законодательством. Начало процедуры выражается в направлении заявления о привлечении к субсидиарной ответственности лицом, которое обладает правом на подачу заявления. В зависимости от основания привлечения к ответственности, субъектный состав является различным. После подачи заявления, в рамках судебного заседания происходит установление фактов, которые необходимы для привлечения лица к субсидиарной ответственности. Вступление судебного акта в законную силу связано с привлечением лица к ответственности, но исполнение акта суда будет являться затруднительным, так как суд может принять итоговое решение о привлечении к субсидиарной ответственности после окончания процедуры банкротства и установления объема неудовлетворенных требований кредиторов, так как невозможностью установить размер ответственности ранее. Момент проведения окончательных расчетов привлеченного к ответственности лица с кредиторами завершает процедуру привлечения к ответственности.

В этой связи усматривается совпадение гражданско-правового порядка с процессуальным порядком. Действительно, в процессе дела о банкротстве нет возможности формально привлечь лицо к субсидиарной ответственности без исполнения процессуального порядка, который заключается в направлении заявления в суд, с последующим судебным разбирательством. При всем прочем, процедура банкротства связана с массой предварительных мероприятий, которые включают в себя направление претензий, отказ от выполнения обязательства и его неисполнение должником. Только после указанных процедур становится возможным выдвинуть инициативу о введении

процедуры банкротства, в которой создаются условия для подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности.

Однако, даже с учетом этих положений, мы не можем признать тот факт, что процедура внепроцессуального порядка, установленного нормами ГК РФ, допустима в процедуре субсидиарной ответственности. Процедура банкротства не предполагает безотлагательного применения субсидиарной ответственности к контролирующему лицу должника, так как данный механизм является лишь мерой ответственности, которую кредиторы применяют лишь в исключительных случаях. Лицо, полагаящее необходимым и возможным привлечение контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, подает заявление с использованием процессуального порядка и не производит действий по направлению предварительных претензионных писем или подобных требований.

Итоговая позиция сформирована в следующем: по своей природе, субсидиарная ответственность, сформулированная в положениях ГК РФ и Закона о банкротстве, выступает разными видами ответственности, но преследуют одни и те же цели, но при всем при этом обладающими совершенно разными чертами и порядком реализации, в связи с чем следует утверждать, что общий порядок поглощен предшествовавшим процедуре банкротства, а прочие вопросы переходят в раздел процессуального права.

2.3. ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В связи с тем, что институт субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника является достаточно новым для российского права, в процессе его применения возникают множество проблем. Это связано как с пробелами законодательства, так и с различным опытом правоприменительной практики. Рассмотрение части этих вопросов позволит

выработать новые подходы и предложения, необходимые для развития института субсидиарной ответственности в деле о банкротстве.

Прежде всего, стоит отметить, что для дел, в которых решается вопрос о привлечении контролирующих лиц к ответственности, процесс доказывания имеет существенное значение. Это связано с возникающими сложностями в наличии у заявителей и привлекаемых лиц прямых письменных доказательств, которые подтверждают их доводы. Зачастую органы управления и иные контролирующие лица не имеют желания и своими действиями препятствуют раскрытию документов, которые отражают их действительный статус в рамках деятельности организации должника. Из-за этого суда приходится проводить работу по сопоставлению существующих косвенных доказательств, которые формируются на основе анализа поведения вышеуказанных лиц. Однако, стоит учитывать, что субсидиарная ответственность относится к «экстраординарному механизму защиты нарушенных прав кредиторов», что в существе своем является исключением из принципа ограниченной ответственности участников. Для подобного рода механизма недостаточно применять стандарт доказывания рядовых гражданско-правовых споров. Следовательно, «не любое подтвержденное косвенными доказательствами сомнение в отсутствии контроля должно толковаться против ответчика, такие сомнения должны быть достаточно серьезными, то есть ясно и убедительно с помощью согласующихся между собой косвенных доказательств подтверждать факт возможности давать прямо либо опосредованно обязательные для исполнения должником указания.» [85].

Одним из актуальных вопросов, является привлечение номинальных руководителей должника к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве. За последнее время количество номинальных руководителей в российских компаниях увеличилось в значительном размере. Это связано с тем, что собственники бизнеса пытаются приобрести легальную возможность уйти от ответственности за неуплату налогов, за несвоевременную подачу заявления о банкротстве организации. Кроме того, желание поставить во главе компании

подставное лицо вызвано расширением оснований для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. Именно по этой причине практика оформления управленческих функций на «номинального» руководителя распространена в настоящее время. Именно по этой причине важным является поиск ответа на вопрос: может ли номинальный руководитель быть привлечен к субсидиарной ответственности как контролирующее лицо должника в деле о банкротстве?

По данному вопросу высказался Верховный Суд РФ в своем Постановлении Пленума №53. По мнению суда, руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но при этом не осуществлявший фактическое управление, к примеру, полностью передавший управление другому лицу либо принимавший ключевые решения по указанию или при наличии явно выраженного согласия третьего лица, не имевшего соответствующих формальных полномочий, не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку подобное поведение не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), а также по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом [75]. Из этого следует, что номинальный руководитель или участник несет полную ответственность за те действия, который могут привести к субсидиарной ответственности. Указанная позиция подтверждается материалами правоприменительной практики.

Так в деле № А60-57148/2015, которое рассматривал Арбитражный суд Свердловской области в первой инстанции, арбитражный управляющий обратился с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, по причине совершения действия, которые повлекли банкротство должника. При даче объяснений, контролирующие лица заявляли, что они не имели возможности оказывать влияния на управленческие решения, не был осведомлен о сделках, которые совершал коммерческий директор.

Данное лицо являлось формальным учредителем и не принимало участие в финансовой деятельности организации.

При разрешении вопроса о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, судебными органами была сформирована позиция о том, что номинальные учредители не имели достоверной информации о заключаемых в их пользу договорах купли-продажи, об источниках приобретения имущества и мотивах совершения данных сделок. Приобретение дорогостоящих объектов недвижимости и транспортных средства, с последующей регистрацией перехода права собственности, могут свидетельствовать лишь о том, что подобные действия могли быть совершены лишь при согласованности и одобрении между контролируемыми должника лицами [94]. Последующие инстанции согласились с данным выводом, как и Верховный суд в своем определении от 19.11.2019 № 309-ЭС19-20500.

Схожая ситуация просматривается в деле Московского городского суда № А40-83711/2018, где конкурсным управляющим было заявлено о привлечении ФИО 1 к субсидиарной ответственности как контролирующее лицо должника, из-за того, что им не была передана бухгалтерская документация. ФИО 1 не согласилось с заявленными требованиями, в своих пояснениях указывало на то, что являлось номинальным руководителем, документов о финансовой деятельности предприятия [91]. Подписанием документов от его имени занималась управляющая организация, которая в полном объеме обладала управленческими функциями. Помимо этого, ФИО 1 сообщило, что в настоящее время не является генеральным директором должника в связи с истечением срока действия трудового договора (приказ об увольнении был подписан им самим же).

Судом первой инстанции был отклонен довод ответчика, а заявление конкурсного управляющего было удовлетворено в полном объеме. По мнению суда, в деле присутствовали доказательства, которые подтверждают, что бывший генеральный директор в полном объеме действовал от имени должника, а также нарушил процедуру собственного увольнения. Верховный

суд РФ Определением от 27.11.2019 № 305-ЭС19-21395 оставил в силе решения всех нижестоящих инстанций.

Однако действующее законодательство о банкротстве содержит основание для смягчения ответственности номинального руководителя, а именно п. 9 ст. 61.11. Закона о банкротстве, в соответствии с которым сообщение суду информации о реальных выгодоприобретателях должника, которые своими действиями довели организацию до банкротства, может уменьшить размер ответственности [9]. Практической задачей является «предоставление данной возможности номинальным руководителям, которое финансово мотивирует их представлять суду доказательства, раскрывающие схему вывода имущества должника, подтверждающие наличие статуса КДЛ у иного лица, а также сведения о его имуществе, что позволит впоследствии исполнить судебный акт о привлечении к субсидиарной ответственности. Кредиторы получают преимущество от того, что номинальные руководители, действуя в своих интересах, содействуют наиболее полному погашению долга [101]. Следовательно, раскрытие информации о действительных выгодоприобретателях должника, вместе с доказанной номинальностью лица, могут являться основанием для исключения или уменьшения размера субсидиарной ответственности.

Говоря о правоприменительной реализации данного правила, можем обратиться к делу № А73-12864/2018, рассматриваемого Арбитражным судом Хабаровского края. В деле управляющий обратился к суду с заявлением о привлечении бывшего руководителя должника к субсидиарной ответственности по обязательствам должника и взыскании с него 42 млн. руб. Обосновывая позицию о своем номинальном статусе, руководителем были приведены доказательства, что никаких документов после назначения на новую должность он не получал и не подписывал, и на процесс работы не оказывал влияния. Также, в 2017 году по просьбе второго учредителя и бывшего руководителя общества им был приобретен статус учредителя и руководителя общества. В

период исполнения номинальных функций руководителя общества, должник деятельность не осуществлял, никаких документов не подписывал.

Первой и апелляционной инстанциями было установлено, что те доводы, которые приводит бывший руководитель, о собственной непричастности к доведению должника до банкротства не подтверждаются материалами дела. В этой связи, имеются все основания для того, чтобы данное лицо было привлечено к субсидиарной ответственности, как контролирующее лицо должника [98].

В тоже время, Арбитражный суд Дальневосточного округа в кассационной инстанции принял решение об отмене актов нижестоящих судов и отправил дело на новое рассмотрение по следующим обстоятельствам: «принимая во внимание названные обстоятельства, а также исключительность применения механизма восстановления нарушенных прав кредиторов посредством привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, суду первой инстанции исходя из задач судопроизводства и принципа справедливости необходимо было исследовать вопрос о фактическом лице (лицах), определяющим действия ответчика, и в зависимости от установленного определить их вину в затруднительности или невозможности формирования конкурсной массы и размер ответственности» [86].

В другом деле действия номинального руководителя не повлекли полного избавления от субсидиарной ответственности как КДЛ. В рамках дела №А76-23547/2013 о банкротстве компании «СтальПром» Арбитражный суд Уральского округа принял решение о том, что нет оснований для полного освобождения номинального директора от ответственности, при учете того, что его действия позволили обнаружить реального бенефициара. Первой и второй инстанцией было принято решение об освобождении руководителя от ответственности на основании материалов уголовного дела. Руководитель убедил суды в том, что ему не было известно о мошенничестве учредителей, им выполнялись лишь указания фактического руководства. Кроме того,

руководитель предоставил суду скрытую информацию о фактическом руководстве должника.

Во время рассмотрения дела Арбитражный суд Уральского округа установил, что «делая вывод о том, что сам по себе факт раскрытия номинальным руководителем должника К.Н.М. информации о виновном лице, недоступной независимым участникам оборота, является самостоятельным и достаточным основанием для отказа в привлечении К.Н.М. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, суды не учли, что статьи 15, 393 ГК РФ и пункт 6 ППВС РФ № 53 не предусматривают возможность освобождения номинального руководителя от субсидиарной ответственности в полном объеме, а, наоборот, разъяснено, что номинальный руководитель не утрачивает статус контролирующего лица, поскольку номинальный характер руководства не означает потерю возможности оказания влияния на должника и не освобождает номинального руководителя от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями (бездействием), по обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом, а номинальный и фактический руководители несут субсидиарную ответственность солидарно» [88].

Таким образом, решения нижестоящих судов были отменены судом кассационной инстанции, и дело было отправлено на новое рассмотрение. В итоге номинальный руководитель был привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам должника на основании Определения Арбитражного суда Челябинской области от 09.01.2019, где была учтена позиция суда кассационной инстанции [95].

Исходя из судебной практики можно сделать вывод о том, что во многих случаях, суды рассматривают субъектов номинального управления как полноценных субъектов ответственности по признаку того, что данные лица в силу своего правового статуса имеют права и обязанности контролирующего лица, а также имеют реальную возможность отказаться от принятия решений, которые могут повлечь банкротство организации. Кроме того, номинальные

руководители и учредители в добровольном порядке принимают данный статус и должны осознавать возможность наступления субсидиарной ответственности. Раскрытие реальных руководителей и выгодоприобретателей чаще всего позволяют снизить размер ответственности, но не исключают ее в полном объеме.

Отдельной проблемной областью в вопросе субсидиарной ответственности в банкротстве является вопрос защиты прав контролирующих лиц должника от недобросовестных действий кредитов. Чаще всего, такая ситуация встречается в том случае, когда кредиторы злоупотребляют своим правом, путем создания искусственной задолженности должника, при наличии большинства голосов в виде неудовлетворенных обязательств. Нарушения прав КЛД происходят через аффилированность кредиторов, сговор, формальное применение норм действующего законодательства. В таких ситуациях назначение процедуры банкротства полностью искажается, а интересы контролирующих лиц нарушаются недобросовестностью кредиторов, приобретающих необоснованную выгоду.

Примером подобных нарушений может являться судебная практика по делу №А65-16989/2016, рассматриваемом в Арбитражном суде Республики Татарстан. В материалах дела явно прослеживался сговор арбитражного управляющего, кредиторов и уполномоченного органа, направлены на привлечение контролирующего лица к субсидиарной ответственности. Судом было установлено, что у компании должника имелась возможность самостоятельно удовлетворить требования кредиторов, посредством реализации имущества, однако кредиторы искусственно создали дополнительный объем обязательств, которых не существовало между ними и должником. Как итог, судом было отказано в удовлетворении требований кредиторов в связи с наличием злоупотребления правом и недопустимым осуществлением прав со стороны заинтересованных лиц [93].

Специфика дел о банкротстве в частности заключается в существенном временном интервале, который требуется на проведение данной процедуры. В

подобный период контролирующее лицо может смениться несколько раз и утратить возможность осуществлять контроль за деятельностью должника. По этой причине возникают вопросы о том, какова степень ответственности кредиторов и заинтересованных лиц за вред, причинённый КДЛ в процессе применения субсидиарной ответственности, вызванной злоупотреблением правом, и в какой мере контролирующее лицо защищено от подобного рода действий в рамках проводимой процедуры? Как показывает практика, подобные вопросы остаются на усмотрении суда в процессе разрешения спора и не всегда приводят к соблюдению баланса интересов КДЛ и кредиторов, а чаще всего являются следствием необоснованного привлечения к субсидиарной ответственности.

Действующее законодательство не предусматривает специальной нормы об ответственности кредиторов за причинение вреда контролирующим лицам при злоупотреблении своими правами. Подобные ситуации решаются на основе общих начал гражданского законодательства о добросовестности при осуществлении своих прав. Важным вопросом является предупреждение чрезмерного использования прав одних субъектов в нарушении прав других. Это позволит ограничить ранее действовавших контролирующих должника лиц от субсидиарной ответственности, возникающей на основе формальных оснований и подтвержденной искусственными доказательствами.

ГЛАВА 3 ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К РУКОВОДИТЕЛЮ ДОЛЖНИКА И ИНЫМ ЛИЦАМ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

3.1. ИНЫЕ ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Субсидиарная ответственность является центральным и наиболее распространенным видом ответственности, к которому привлекаются контролирующие лица должника в деле о банкротстве. Помимо этого, существуют иные виды гражданско-правовой ответственности для контролирующих лиц, в частности таким видам относят ответственность за нарушение банкротного законодательства (статья 61.13 Закона о банкротстве) и ответственность за убытки, причиненные должнику, по основаниям, предусмотренным корпоративным законодательством (статья 61.20 Закона о банкротстве). Подобного рода ответственность непосредственно связана с процедурой возмещения убытков, которые возлагаются на контролирующих должника лиц.

По мнению И. С. Шиткиной: «при анализе соотношения норм статей 61.13 и 61.20 Закона о банкротстве становится очевидным, что законодатель не устанавливает новый вид ответственности, речь идет о норме, детализирующей порядок взыскания убытков при банкротстве, в частности, когда привлекают к ответственности по основанию статьи 61.13 Закона о банкротстве» [Шиткина, с. 382]. Взыскание убытков является классическим гражданско-правовым институтом, регламентированным ГК РФ. Положения Закона о банкротстве фиксируют данный порядок и устанавливают определенные особенности в применении, с учетом специфики регулируемых правоотношений в области несостоятельности.

Ответственность за нарушение законодательства о банкротстве как отдельное основание для ответственности в процедуре банкротства была

введена в рамках реформы законодательства 2017 года [8]. Кроме руководителей должника, к ответственности по статье 61.13 Закона о банкротстве могут быть привлечены иные контролирующие должника лица (учредители (участники) должника, органы управления должника, и т.д.), что говорит о наличии открытого перечня субъектов ответственности. Законодательным нововведением является регламентация механизма привлечения к ответственности за фиктивное банкротство [9]. Так, согласно положениям пункта 2 статьи 61.13 Закона о банкротстве как фиктивным определяется, если: заявление должника подано в арбитражный суд при наличии у должника возможности удовлетворить требования кредиторов; должник не принял меры по оспариванию необоснованных требований в деле о банкротстве. В таком случае контролирующие должника лица несут перед кредиторами ответственность за убытки, причиненные возбуждением производства по делу о банкротстве или необоснованным признанием (неоспариванием) требований кредиторов.

Главной сложностью при привлечении к ответственности за фиктивное банкротство является формирование доказательственной базы, которая будет подтверждать, что должник не предпринял все зависящие от него меры, хотя и имел возможность в полном объеме удовлетворить возникающие требования кредиторов или оспорить их необоснованные требования [Карелина, 2019, с. 691]. Получить доказанность подобных фактов возможно посредством тщательной финансовой экспертизы. В случае если будет установлено, что фиктивное банкротство причинило крупный ущерб для кредиторов, то подобные действия могут быть квалифицированы как уголовное преступление. Положения о взыскании убытков с виновных лиц будут использоваться в случае, если должник не оспорил необоснованные требования кредиторов, предъявленные как до возбуждения дела о банкротстве, так и после возбуждения дела о банкротстве, вне производства по делу о банкротстве.

Схожая возможность взыскать убытки с контролирующих лиц в деле о банкротстве возникает при выявлении нарушения законодательства,

регулирующего корпоративные отношения. Согласно положениям статьи 61.20 Закона о банкротстве, в случае введения в отношении должника процедуры, применяемой в деле о банкротстве, требования о возмещении должнику убытков, причиненных лицами, которые уполномочены выступать от имени юридического лица, подлежат рассмотрению судом в рамках дела о банкротстве должника в порядке главы III.2 Закона о банкротстве [9]. Члены коллегиальных органов юридического лица, учредители и иные лица, имеющие фактическую возможность определения действия подконтрольного юридического считаются субъектами ответственности. Следовательно, в случае привлечения к ответственности единоличного исполнительного органа акционерного общества, в отношении которого введена одна из процедур банкротства, в качестве специальных норм подлежат применению правила статьи 61.20 Закона о банкротстве, в то время как нормы статьи 53.1 ГК РФ и статьи 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» являются общими нормами.

Для законодательного и правоприменительного аспекта интересен вопрос соотношения возмещения убытков с процедурой привлечения лица к субсидиарной ответственности. По данному вопросу существует позиция Верховного Суда РФ. Так, в пункте 20 ППВС РФ № 53 от 21.12.2017 сказано, что для принятия решения о применении специальных или общих норм, суду следует оценить степень воздействия контролирующего лица на деятельность организации должника. Суд на основе фактических данных по делу определяет «как сильно в результате такого воздействия изменилось финансовое положение должника, какие тенденции приобрели экономические показатели, характеризующие должника, после этого воздействия» [75]. В том случае, когда нарушения контролирующего лица становятся причиной банкротства организации, необходимо применить нормы о субсидиарной ответственности Закона о банкротстве. Размер ответственности в подобной ситуации рассчитывается на основании абзацев первого и третьего пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве. Напротив, когда вред контролирующих лиц не привел к

объективному банкротству должника, такие лица производят компенсацию всех убытков на основании статей 15, 393 ГК РФ.

Кроме того, не имеет значения, как именно заявитель поименовал вид ответственности и на какие нормы права он сослался. Согласно полномочиям суда, руководствуясь статьями 133 и 168 АПК РФ, происходит самостоятельная квалификация заявленных требований [5]. Если заявителем не будут доказаны основания для субсидиарной ответственности, но будут иметься факты, подтверждающие противоправность поведения контролирующих лиц должника, которые необходимы для привлечения к иному виду ответственности, суд может принять решение о возмещении контролирующим лицом убытков, включая основания статьи 53.1 ГК РФ. С точки зрения процессуального законодательства, требования о взыскании убытков и привлечении к ответственности контролирующих лиц должника в деле о банкротстве на основании статьи 130 АПК РФ подлежат совместному рассмотрению в судебном порядке.

По своей правовой природе субсидиарный характер является неотъемлемым признаком требования о возмещении убытков контролирующими лицами. Согласно пункту 6 статьи 61.20 Закона о банкротстве, привлечение контролирующих лиц к ответственности по основаниям, предусмотренные статьями 61.11–61.13 Закона о банкротстве, не может препятствовать предъявлению к этому лицу требований о возмещении причиненных убытков в той части, которая остается не покрытой размером субсидиарной ответственности.

На основании вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что при наличии нескольких одновременных оснований для привлечения к ответственности контролирующих лиц должника, окончательный размер ответственности будет определен путем «поглощения» большей из взыскиваемых сумм меньшей. В тоже время размер ответственности в совокупности ограничивается максимальным размером, который установлен Законом о банкротстве. Однако если действия контролирующего лица

должника выступают в качестве оснований для взыскания убытков и привлечения к субсидиарной ответственности, размер требований будет иметь зачетный характер: требования о возмещении убытков подлежат удовлетворению в той части, которая не покрыта размером требований, предъявляемых в рамках процедуры привлечения к субсидиарной ответственности.

Взыскание убытков может выступать как защитный механизм, направленный на пресечение негативной деятельности со стороны контролирующих лиц. Как отмечает И.М. Середа, «практика взыскания с руководителя должника убытков за непрофессионализм, попустительство, умышленное бездействие, чрезмерно необоснованные решения и приказы представляет собой некую гарантию собственников (владельцев) бизнеса от негативных действий руководителя» [Середа, Середа, с. 56]. Возможность взыскания убытков также имеет превентивную функцию, с помощью которой ограничивается незаконное поведение контролирующих лиц. Использование данного механизма совместно с субсидиарной ответственностью может стать существенным гарантом интересов кредиторов и иных заинтересованных в банкротстве организации лиц.

3.2. МОРАТОРИЙ НА ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ДОЛЖНИКА И ИНЫХ ЛИЦ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

В настоящее время экономическое благосостояние нашего государства находится под постоянным воздействием со стороны внешних сил. Примером таких явлений можем считать пандемию, вызванную распространением коронавирусной инфекции с 2020 года, а также внешнеэкономические противоречия, вследствие которых произошло усиление санкционного давления, начиная с февраля 2022. Подобные явления негативным образом сказались на финансовом положении, как отдельных экономических субъектов,

так и государственного экономического аппарата. В подобных условиях потребность в поддержке субъектов предпринимательства, в основном малого и среднего, является необходимым решением. Адресная поддержка должна оказываться наиболее пострадавшим отраслям экономики. Подобная поддержка не обошла стороной и процедуру несостоятельности (банкротства), так как именно данной процедурой может закончиться деятельность государства в условиях экономической нестабильности.

Необходимость принятия законодательной поддержки была вызвана распространением новой коронавирусной инфекции в 2020 году, вследствие чего были введены изменения, затрагивающие институт несостоятельности.

Так в Закон о несостоятельности на основании ФЗ №98-ФЗ от 1 апреля 2020 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», была введена статья 9.1 «Мораторий на возбуждение дел о банкротстве», предусматривающая возможность введения моратория на дела о банкротстве отдельных юридических лиц в связи с наступлением ситуаций чрезвычайного характера [9]. Предоставление устойчивости экономической среды посредством поддержания отдельным хозяйствующим субъектам является главенствующей целью введенного моратория. На основании данной статьи Правительство Российской Федерации имеет право вводить мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов в отношении отдельных компаний, которые наиболее пострадали от сложившихся обстоятельств.

Применяя данную статью, Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. №428 был введен мораторий на 6 месяцев для компаний, которые были включены в перечень пострадавших от пандемии коронавируса отраслей, а также в отношении системообразующих и стратегических предприятий [12]. Из-за продолжения развития пандемии, Постановлением Правительства РФ от 1 октября 2020 г. № 1587 мораторий на возбуждение дел о банкротстве отдельных предприятий был продлён на 4 месяца, начиная с 7 октября 2020 г.

[13]. В перечень отраслей, пострадавших от коронавируса, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. №434 были включены организации, осуществляющие деятельность в сферах авиа-, автоперевозок, культуры, организации досуга и развлечений, физкультурно-оздоровительной деятельности, гостиничного бизнеса, общественного питания, организации конференций и выставок, бытовых услуг населению, дополнительного образования.

Сложная экономическая обстановка весной 2022 послужила основанием для введения новой процедуры моратория. Так, Постановлением Правительства РФ от 28 марта 2022 г. № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» был установлен моратория на возбуждение дел о банкротстве в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц на 6 месяцев [14]. Важно сказать, что мораторий был введен на все отрасли экономики, кроме предприятий, которые являются застройщиками многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, включенных в соответствии со статьей 23.1 ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» в единый реестр проблемных объектов.

Одним из ключевых последствий введения моратория является ограничение на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, в отношении юридических лиц и граждан, относящихся к определенной категории. К другим последствиям моратория относятся:

1) приостанавливаются обязанности должника, а также руководителя должника и физического лица обратиться с заявлением о банкротстве.

2) наступают последствия: не допускается прекращение денежных обязательств должника путем зачета встречного однородного требования, не допускается изъятие собственником имущества должника - унитарного предприятия принадлежащего должнику имущества; не допускается выплата дивидендов, доходов по долям (паям), а также распределение прибыли между

учредителями (участниками) должника; не начисляются неустойки (штрафы, пени) и иные санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежных обязательств и обязательных платежей, за исключением текущих платежей; не допускаются удовлетворение требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава его учредителей (участников), выкуп либо приобретение должником размещенных акций или выплата действительной стоимости доли (пая);

3) не допускается обращение взыскания на заложенное имущество, в том числе во внесудебном порядке;

4) приостанавливается исполнительное производство по имущественным взысканиям по требованиям, возникшим до введения моратория (при этом не снимаются аресты на имущество должника и иные ограничения в части распоряжения имуществом должника, наложенные в ходе исполнительного производства).

Важно отметить, что мораторий, значительным образом, сказывается на ответственности контролирующего лица должника, так как в данное время процедура банкротства не осуществляется. На период действия моратория руководитель юридического лица не имеет обязанность обращаться в суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве) организации. Однако он имеет на это полное право. Принятие решения в подобных условиях может зависеть от причин возникновения ситуации несостоятельности. Если признаки банкротства организации были установлены до введения моратория, то тогда руководителю должника, как добросовестному участнику рынка, необходимо реализовать свое право на подачу заявления. Так будет уменьшен риск привлечения к субсидиарной ответственности. В случае, если признаки банкротства возникли в период действия моратория, руководитель может отложить процедуру подачи заявления и попробовать самостоятельно разрешить возникшие финансовые трудности.

Правоприменитель также дал разъяснения по данному вопросу. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, если условия для моратория

возникли задолго до появления обстоятельств, послуживших основанием для введения моратория, и руководителю должника либо иным органам управления было заведомо известно об отсутствии какой-либо возможности успешного преодоления кризиса, на основании статьи 61.12 Закона о банкротстве контролирующее должника лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности за неподачу заявления должника о собственном банкротстве в отведенный законом срок, исчисляемый без учета срока действия моратория. При этом, пока не доказано иное, предполагается, что условия, указанные в пунктах 1, 3.1 статьи 9 Закона о банкротстве, возникли после появления обстоятельств, послуживших основанием для введения моратория. Бремя доказывания того, что преодоление кризиса было явно невозможно, лежит на лице, настаивающем на привлечении к субсидиарной ответственности (по смыслу подпункта 1 пункта 3 статьи 9.1 Закона о банкротстве, статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) [78].

Законодатель позволил организациям принять решение об отказе от введенного моратория. Подобное решение может быть продиктовано решением организации выплатить дивиденды или распределить прибыль между учредителями. Для этого механизм отказа от моратория был сохранен. Для руководителя или иных контролирующих должника лиц данный механизм может стать существенным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности. В случае, если в условиях глубочайшего экономического кризиса организация из-за отказа от моратория не сможет исполнить свои обязательства перед кредиторами, действия руководителя такой организации могут быть расценены как умышленное доведение до банкротства.

Моратория на подачу заявлений о банкротстве юридического лица является необходимым механизмом в условиях экономической напряженности. С его помощи можно создать значительный запас временной прочности для компании, которая хочет сохранить свои активы. Важно отграничивать умышленную ответственность контролирующих лиц должника при отказе от моратория между аргументированным отказом и специальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве является достаточно современным механизмом ответственности, который в отечественном законодательстве появился в 90-е гг. XX в., в постсоветской эпохе развития отечественной государственности. В условиях командно-плановой экономики, где отсутствовала экономическая свобода субъектов, существование банкротных процедур означало бы наличие возможности признать государственные предприятия несостоятельными, что не соответствовало идеологии того времени. Появление частной собственности послужило началом возникновения института банкротства.

Современные экономические вызовы влияют на увеличение банкротных производств. Как ожидалось, в связи с введенным мораторием на возбуждение дел о банкротстве, вызванным распространением коронавирусной инфекции в 2020 году, количество производств должно было возрасти существенным образом. Ожидался так называемый «бум» банкротств. Однако, к большому удивлению, ситуация развернулась в другом направлении.

По имеющимся открытым данным системы Федресурс, произошел рост корпоративных банкротств, однако общий уровень остается меньше доковидного. Так, в 2021 году количество корпоративных банкротств выросло на 3,9% к 2020 году до 10319 шт., после снижения на 19,9% годом ранее. По мнению руководителя Федресурса А. Юхнина: «рост числа корпоративных банкротств в прошедшем году лишь отчасти компенсировал их снижение годом ранее. Напомню, часть 2020 года суды не работали из-за пандемии. В целом ожидания всплеска интенсивности разорений не оправдались, более того, она остается ниже доковидного уровня. Это объясняется тем, что государство оказало поддержку пострадавшим от пандемии. Кроме этого, все более активное привлечение собственников к субсидиарной ответственности отпугивает добровольных банкротов» [Юхнин, с. 120]. Подобная тенденция

является положительной и свидетельствует о том, что отечественные предприятия даже в самых суровых экономических условиях имеют возможность исполнить взятые на себя обязательства перед кредиторами.

Немного другая ситуация обстоит с вопросом о привлечении к субсидиарной ответственности. Статистика данных из Федресурса показывает динамику увеличения количеств поданных заявлений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. В 2021 г. количество актов о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности выросло на 21,3% к 2020 г. до 3 147 штук, в то время как число корпоративных банкротств увеличилось лишь на 3,9%. Подобный результат свидетельствует об увеличении количества, но не качества. Если соотнести два данных показателя, то можно сделать вывод о том, что риск менеджеров и собственников быть привлеченными к ответственности, увеличился на рекордные 30% [Юхнин, с 121].

На основании вышеизложенных данных можно сделать следующий вывод: в 2021 г. количество привлеченных контролирующих должника лиц и размер их ответственности в делах о банкротстве достигли наибольшего за всю историю уровня – 4 792 человека и 513,4 млрд руб., что соответственно – в 1,5 раза и на 29,9% больше, чем в 2020 г. Однако показатели удовлетворения требований являются не такими высокими. В 2021 году в реестры требований кредиторов были включены требования на сумму 4 487,2 млрд. руб., в то время как за счет субсидиарной ответственности было удовлетворено требования в размере 159,1 млрд. руб. Важно понимать, что данные показатели отражают информацию об удовлетворенных требованиях. К большому сожалению точная информация о фактическом исполнении имущественных требований и количество привлеченных средств в конкурсную массу остается недоступной для всеобщего обозрения.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц должника является факультативной возможностью удовлетворить свои требования, в случае если должник не имеет имущества для удовлетворения всех требований кредиторов.

Использование данной процедуры как основного способа получить удовлетворение требований не является правомерным. Повсеместное использование данного института ответственности приведет к прекращению его статуса как «экстраординарного механизма защиты нарушенных прав кредиторов», являющимся исключением из принципа ограниченной ответственности участников. [85]. Более того, статистика показывает, что увеличение роста заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности не может являться следствием увеличения количества удовлетворенных требований. Участники процедуры несостоятельности преждевременно осуществляют подачу заявлений о привлечении к ответственности контролирующих лиц, еще в первой половине конкурсного производства.

В ходе проведенного исследования был проведен анализ законодательства, правоприменительной практики и научной литературы. Исходя из изученного материала, можно сказать, что институт ответственности контролирующих лиц должника в деле о банкротстве остается проблемной и дискуссионной областью. Происходящие экономические преобразования трансформируют нормативные и правоприменительные аспекты. Важно отметить, что, не смотря на все многообразие возникающих вопросов, в настоящее время ответственность контролирующих лиц должника в процедуре несостоятельности имеет действительную реализацию, а не фактическое закрепление, что свидетельствует о развитии данного правового института.

Кроме того, в ходе проведенного диссертационного исследования были сделаны следующие выводы и предложения:

1. Институт субсидиарной ответственности является достаточно молодым для нашего государства. Именно с этим связано частое изменение действующего законодательства. Современный Закон о банкротстве был принят в 2002 году, когда институты частной собственности находились на начальном этапе своего формирования. Законодатель того времени не мог предполагать, какие вызовы будут брошены процедуре несостоятельности через 20 лет. По этой причине ответственность контролирующего лица

должника регулируется нормативными актами вместе с разъяснениями, которые формируются правоприменительной практикой. Подобного рода регулирование усложняет правоприменительный процесс, так как для организации процедуры необходимо ознакомиться не только с Законом о банкротстве, но и с судебными позициями. Это отягощает процедуру для понимания лицами, не имеющими юридического образования, что может характеризоваться как ограничение в гражданских правах и свободах.

2. В рамках исследования была рассмотрена проблема номинальных руководителей. На первый взгляд данная проблема относится к области публично-правой ответственности, в частности административного и уголовного права. Однако исследование показало, что многие номинальные руководители могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности в существенном размере. Такие лица в силу отсутствия достаточного уровня специальных знаний могут не осознавать о наличии значительного уровня ответственности в их номинальном руководящем статусе.

Более того, статус номинального руководителя может выступать в качестве «прикрытия» для фактического руководителя. Признание себя номиналом выступает как средство перекладывания ответственности на другое лицо, а также как способ затянуть процедуру несостоятельности (банкротства). В любом случае, суд должен провести проверку по данному факту и обсудить вопрос о привлечении предполагаемых фактических руководителей организации должника в дело в качестве соответчика [87].

Можно констатировать, что реальные бенефициары будут прибегать к услугам «номинальных» руководителей еще длительное время. Одним из возможных решений данной проблемы является проведение работы с лицами, которые являются действительными и фиктивными номинальными руководителями. Для решения данной проблемы предлагаем внести изменения в законодательство, а именно в Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в части включения в перечень документов, которые

необходимы для регистрации юридического лица или изменений сведений о руководителе, «согласия об отсутствии номинальности». Данный документ будет составляться в виде декларации, подписанной руководителем, в которой будет указано, что руководитель юридического лица заверяет, что он является фактическим руководителем юридического лица, обладает всеми правами по управлению обществом, ознакомлен с видами ответственности, которые он может нести как контролирующее лицо должника, в том числе в деле о банкротстве.

Предполагается, что подобного рода изменения смогут стать заградительным условием для номинальных руководителей, которые смогут осознать весь уровень ответственности, возлагаемый на них как на руководителей. Также подобный документ сможет являться доказательством того, что лицо осознавало, что приобретает статус контролирующего лица организации, вследствие чего преднамеренное заявление о номинальности статуса руководителя будет являться ничтожным.

3. Действующее законодательство не предусматривает специальной нормы об ответственности кредиторов за причинение вреда контролирующим лицам при злоупотреблении своими правами. Подобные ситуации решаются на основе общих начал гражданского законодательства о добросовестности при осуществлении своих прав. Важным вопросом является предупреждение чрезмерного использования прав одних субъектов в нарушении прав других. Статья 10 ГК РФ не обеспечивает в полной мере должный уровень ответственности для заявителей, которые преднамеренно обращаются в суд с необоснованными заявлениями о привлечении к ответственности контролирующих должника лиц.

В этой связи, предлагается внести изменения в статью 61.20 Закона о банкротстве, в части введения ответственности для заявителей в виде возмещения убытков, часть 7 следующего содержания:

«7. В случае установления судом факта необоснованной подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника

лиц в деле о банкротстве, о взыскании убытков с контролирующих должника лиц в деле о банкротстве, лицо, направляющее заявление, обязуется возместить убытки, которые возникли из-за подачи такого заявления.»

Это позволит ограничить ранее действовавших контролирующих должника лиц от субсидиарной ответственности, возникающей на основе формальных оснований и подтвержденной искусственными доказательствами.

4. В настоящее время разворачивается практика по привлечению юридических консультантов как контролирующих должника лиц в деле о банкротстве на основании того, что данные лица оказывают консультирование, длительное время, осведомлены о текущем положении дел в организации, имеют широкие полномочия по выданным доверенностям. В свою очередь данные специалисты не приобретают полномочий по фактическому контролю над деятельностью организации. Для защиты интересов данных лиц предлагается следующая рекомендация: при наделении существенным перечнем полномочий консультанта в тексте доверенности указать формулировку: «Поверенный не приобретает управленческих функций и полномочий по определению направлений деятельности организации. Контролирующими лицами организации являются ее руководитель, акционеры (участники) и т.д.». Подобная формулировка частично обезопасит специалистов от необоснованного привлечения к ответственности как контролирующего лица должник в деле о банкротстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: по состоянию на 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 20.01.2021).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ: по состоянию на 08 марта 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.3.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ: по состоянию на 05 апреля 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ: по состоянию на 11 июня 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: по состоянию на 01 марта 2022 г. // Российская газета. 2002. №137.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ: по состоянию на 22 июня 2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

7. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ: по состоянию на 01 января 2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

8. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ: по состоянию на 11 августа 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

9. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: по состоянию на 01 марта 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

10. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 05 мая 2014 г. № 99-ФЗ: по состоянию на 03 июля 2016 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2021).

11. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ: по состоянию на 29 июля 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815.

12. О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 428: по состоянию на 22 мая 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2021).

13. О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников: Постановление Правительства Российской Федерации от 01 октября 2020 г. № 1587 по состоянию на 07 октября 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 20.01.2021).

14. О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2022 г. № 497: по состоянию на 01 апреля 2022 г. // Российская газета. 2022. № 72.

15. Об утверждении Порядка формирования и ведения Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц и Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Перечня сведений, подлежащих включению в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве: Приказ Минэкономразвития России от 05 апреля 2013 № 178 по состоянию на 25 августа 2020 г. // Российская газета. 2013. № 172.

16. О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур: Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1992 № 623 (утратил силу) // Российская газета. 1992. № 138.

17. О Федеральном управлении по делам о несостоятельности (банкротстве) при Государственном комитете Российской Федерации по управлению государственным имуществом: Постановление Правительства Российской Федерации от 20 сентября 1993 № 926 (утратил силу) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. ст. 3615.

18. Русская правда: Правда Ярославичей // Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_127001 (дата обращения: 20.06.2021).

19. Устав о банкротах. Утвержден Декабря 19 дня 1800 года. Спб. Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_23633/ (дата обращения: 20.06.2021).

2. Специальная литература

20. Акдерли Д. М.: Новеллы в области регулирования субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве // StudNet. 2020. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-v-oblasti-regulirovaniya-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-pri-bankrotstve> (дата обращения: 17.12.2020).

21. Александров А.Ю., Красноштанов Д.С. Гражданско-правовая ответственность контролирующих лиц в банкротстве // Закон. 2015. № 7. С. 32 - 44.

22. Алексеев С.С. Теория государства и права. М.: Экспо, 2006. – С. 55.

23. Алексеева О.Г., Аминов Е.Р., Бандо М.В. и др.; Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Гонгалов Б.М. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. 560 с.

24. Алферов В. Н., Коригова М. М.: Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. №3 (35). С.460-473. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kak-instrumenta-povysheniya-effektivnosti-instituta-bankrotstva-i-obespecheniya> (дата обращения: 17.12.2020).

25. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть первая / Р.В. Амелин, А.В. Колоколов, М.Д. Колоколова и др.; под общ. ред. Л.В. Чистяковой. Москва: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2019. Т. 2. 1337 с.

26. Багреева Е. Г., Рудая А. А. История развития и современность института банкротства Евразийская адвокатура // Евразийская адвокатура. 2020. № 5 (48). С. 15-19.

27. Барышева К.А., Грачева Ю.В., Долотов Р.О. и др.; под ред. Есакова Г.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. 816 с.

28. Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 80 - 125.

29. Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М.: ИНФРА-М, 2013. 240 с.

30. Ганин П.В. Юристы и консультанты как субъекты субсидиарной ответственности // Имущественные отношения в РФ. 2021. №2 (233). С.83-86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuristy-i-konsultanty-kak-subekty-subsidiarnoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 19.06.2022).

31. Герасименко Д. В., Авакян К.С. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 197-200. URL: <https://moluch.ru/archive/257/58846/> (дата обращения: 20.06.2021).

32. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб. 1889. С. 2-3.

33. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 154-202.

34. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и правовая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 45–77.

35. Денисова Я.О. Субсидиарная ответственность номинальных руководителей // Вопросы российской юстиции. 2020. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-nominalnyh-rukovoditeley> (дата обращения: 17.12.2020)

36. Евтеев К.И. Развитие института несостоятельности (банкротства): важнейшие исторические события XI-XIX веков // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. №2. С. 117-121.

37. Ермилов В.Б. Гражданско-правовая ответственность «номинального руководителя» организации в деле о банкротстве // Евразийская адвокатура. 2018. № 3 (34). С. 55-59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-nominalnogo-rukovoditelya-organizatsii-v-dele-o-bankrotstve> (дата обращения: 17.12.2020).

38. Жигалова С. В. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности // Молодой ученый. 2019. № 12 (250). С. 166-168.

39. Зверева А.С. Юридическая судьба исключительного права на товарный знак в случае ликвидации юридического лица - правообладателя // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 6. С. 61 - 66.

40. Каминка А.И. Акционерные компании. Т. 1. СПб.: типо-лит. А.Е. Ландау, 1909. 489 с.

41. Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие / С.А. Карелина. -М. : Волтерс Клувер, 2006. 360 с.

42. Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 2. – М.: Статут, 2019. – 848 с.

43. Коноплева, М.И. История становления института банкротства в России // Молодой ученый. 2020. № 4 (294). С. 387-389. URL: <https://moluch.ru/archive/294/66579/> (дата обращения: 21.01.2021).

44. Крупенич Е.А. Проблемы правовой регламентации субсидиарной и деликтной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности (банкротства) // Скиф. 2020. №5-2 (45). С.320-325. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovoy-reglamentatsii-subsidiarnoy-i-deliktnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-v-protseesse> (дата обращения: 17.12.2020).

45. Крюкова Ю. Я. Познание субсидиарного обязательства в гражданском праве России // Проблемы права. 2012. № 7(38). С. 78–83.

46. Лахтин А.Л. Основания привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве // Символ науки. 2020. №1-2. С.46-51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-privlecheniya-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-v-bankrotstve> (дата обращения: 17.12.2020).

47. Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М., 2018. 860 с.

48. Малиношевский К. Субсидиарная ответственность директора и его детей по обязательствам должника. Тревожный звонок для всего российского бизнеса или будущая норма для законодательства? URL: <https://zakon.ru> (дата обращения: 01.02.2022).

49. Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5. С. 187-202.

50. Михневич А.В., Оселедко А.Н. Понятие контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10-2. С. 151-159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits-v-protsedure-bankrotstva> (дата обращения: 04.03.2022).

51. Мкртчян Г. М. Привлечение бенефициаров бизнеса к субсидиарной ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. №3. С.122-129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-benefitsiarov-biznesa-k-subsidiarnoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 17.12.2020).

52. Молотников А. Е. Значение института ответственности в регулировании акционерных правоотношений // Правовое регулирование предпринимательской деятельности в рыночной экономике. М.: Юрист, 2008. С. 58–65.

53. Монастырский Ю. Э. Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 82-95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-logika-vozlozheniya-ubytkov-na-kontroliruyuschih-lits> (дата обращения: 17.12.2020).

54. Наумова О. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц // Административное право. 2019. № 1. С. 39-41.

55. Петухова Е. В., Короткова М. В. К вопросу о применении механизма субсидиарной ответственности контролирующего должника лица при

банкротстве индивидуального предпринимателя, являющегося участником хозяйственного товарищества // Образование и право. 2020. № 5. С. 111-114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenii-mehanizma-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschego-dolzhnika-litsa-pri-bankrotstve-individualnogo> (дата обращения: 17.12.2020).

56. Петухов С. В., Баранов В. А. Правовая эффективность института субсидиарной ответственности контролирующих лиц: возможные пределы // образование и право. 2020. №6. С.78-81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-effektivnost-instituta-subsidiarnoy-otvetstvennosti-kontroliruyuschih-lits-vozmozhnye-predely> (дата обращения: 17.12.2020).

57. Попондопуло В.Ф., Силина (Слепченко) Е.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. 2018. № 4. С. 10 - 15.

58. Ритер А. Ю. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №4-1. С.167-171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-dolzhnika-lits> (дата обращения: 17.12.2020).

59. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica. 2018. № 12. С. 18 - 24.

60. Серeda И.М., Серeda А.Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве. М.: Статут, 2020. 112 с.

61. Старилов Ю.Н. Общее административное право : учебник : в 2 ч. Ч. 2: Административно-деликтное право (КоАП РФ). Административное судопроизводство (КАС РФ) / под ред. Ю. Н. Старилова; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 760 с.

62. Степанов В.В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М.: Статут, 1999. 240 с.

63. Толмачева И. А.. Понятие и правовая природа субсидиарной ответственности в рамках процедур банкротства по законодательству Российской Федерации // Юридическая наука. 2021. № 8. С. 26-30.

64. Туктамышева С. В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в деле о банкротстве // Теология. Философия. Право. 2019. №1 (9). С.37-48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-kontroliruyuschih-lits-v-dele-o-bankrotstve> (дата обращения: 17.12.2020).

65. Тюньков В. А. Правовое регулирование субсидиарной ответственности руководителя должника в процедуре банкротства // Развитие территорий. 2019. №4 (18). С.17-19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-subsidiarnoy-otvetstvennosti-rukovoditelya-dolzhnika-v-protsedure-bankrotstva> (дата обращения: 17.12.2020).

66. Фомина М. А. Субсидиарная ответственность члена совета директоров (наблюдательного совета) // StudNet. 2020. №9. С.541-545. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subsidiarnaya-otvetstvennost-chlena-soveta-direktorov-nablyudatel'nogo-soveta> (дата обращения: 17.12.2020).

67. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX вв. М.: Юрид. лит., 1984. 668 с.

68. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань: Тип. имп. ун-та, 1898. 117 с.

69. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Торговый процесс. Конкурсный процесс: В 4 т. 4-е изд. СПб: издание Бр. Башмаковых, 1912. 596 с.

70. Шиткина И.С. Корпоративное право: учебник / А.В. Габов [и др.]; отв. ред. И.С. Шиткина. Москва, 2019. 735 с.

71. Юхнин А.В. Кредиторы переходят на личности. Практика привлечения к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве бьет рекорды // Экономика и жизнь. 2022. №7 (9923). С. 118-129.

72. В первом чтении принят законопроект, разрешающий гражданам регистрировать товарные знаки // Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 23.04.2022).

3. Материалы правоприменительной практики

73. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01 июля 1996 г. по состоянию на 25 декабря 2018 г. // Российская газета. 1996. № 152.

74. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013 г. № 10.

75. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53: по состоянию на 21 декабря 2017 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

76. О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

77. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

78. О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 44 // Российская газета. 2021. № 2.

79. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) по состоянию на 06 июля 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 3.

80. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) по состоянию на 26 декабря 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 9.

81. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) по состоянию на 04 июля 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 3.

82. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) по сост. на 26 декабря 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 5.

83. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) по состоянию на 23 декабря 2020 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.01.2021).

84. Определение Верховного суда Российской Федерации от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004(2) по делу № А40-80460/2015 Доступ из СПС «КонсультантПлюс» / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.05.2022).

85. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 августа 2018 г. № 308-ЭС17-6757 по делу № А22-941/2006 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.05.2022).

86. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.10.2019 № Ф03-4627/2019 по делу № А73-12864/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 12.01.2022).

87. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.09.2019 № Ф04-3095/2019 по делу № А27-4356/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 20.05.2022).

88. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.07.2018 года по делу № А76-23547/2013 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 12.01.2022).

89. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 11.04.2014 №Ф09-9804/12 по делу №А47-8785/2011 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 12.01.2022).

90. Решение Арбитражного суд Пермского края от 08.04.2016 по делу № А50-3686/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 20.06.2020).

91. Определение Арбитражного суда города Москвы от 17.04.2019 года по делу А40-83711/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 12.01.2022).

92. Определение Арбитражного суда Кемеровской области от 20.05.2021 г. // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 20.05.2022).

93. Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 15 января 2020 года по делу №А65-16989/2016 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 12.01.2022).

94. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 24.12.2018 по делу А60-57148/2015 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 12.01.2022).

95. Определение Арбитражного суда Челябинской области от 09.01.2019 года по делу № А76-23547/2013 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 12.01.2022).

96. Определение Арбитражного суда Челябинской области от 05.08.2019 г. по делу № А76-22330/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 20.05.2022).

97. Определение Арбитражного суда Челябинской области от 16.12.2020 по делу № А76-22330/2018 г. // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 20.05.2022).

98. Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 24.06.2019 года по делу № А73-12864/2018 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения 12.01.2022).

99. Постановление Федеральной антимонопольной службы Восточно-Сибирского округа от 10.11.2005 г. № А19-335/05-46-Ф02-5555/05-С2 - Документ опубликован не был // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.06.2021).

100. О направлении обзора судебных актов: Письмо ФНС России от 29 июня 2017 г. № СА-4-18/12520@ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.01.2021).

101. О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ: Письмо ФНС России от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.01.2022).

102. О направлении обзора судебных актов: Письмо ФНС России от 29 ноября 2017 г. № СА-4-18/24213 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.01.2021).

103. О применении части 8 статьи 14.13 КоАП РФ Информация ФНС России. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» / Режим доступа URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.06.2021).